

НЕБЕСНЫЕ ЛЮДИ

ПЕТР ИНГВИН

СВЕТЛАНА МАКАРОВА

12+

Петр Ингвин
Небесные люди

«Автор»

2019

Ингвин П.

Небесные люди / П. Ингвин — «Автор», 2019

Ближайшее будущее. После катастрофы жизнь на Земле вернулась в доэлектрические времена, большой передел закончился, в мире появилось много нового. Герой спасает женщину с ребенком, обреченную на участь рабыни, он идет против законов племени, чтобы сохранить ей жизнь и осуществить мечту: подняться к таинственным небесным людям, наблюдающим за агонией цивилизации. Роман о людях и чувствах, о желаниях и способах их достижения. Обложка Олега Щербакова.

© Ингвин П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Петр Ингвин и Светлана Макарова	5
Часть первая	6
Часть вторая	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Петр Ингвин, Светлана Макарова Небесные люди

Петр Ингвин и Светлана Макарова

Небесные люди

Часть первая В чем сила?

Из щелей бил свет, слышались голоса и топот. Энт перевернулся на другой бок, но сон не шел: вернулись ловцы второй смены и, судя по крикам, вернулись с добычей. Надо глянуть, кого привели соперники.

С оружием к вождю нельзя. Лук с тесаком пришлось оставить, и Энт ощущал себя голым, когда запирал лачугу. Он влился в галдящий людской поток. Справа хихикали две девицы, их подведенные углем брови сходились неодобрительной дугой: «Почему не заходишь?» Энт отвернулся. Некогда. И не на что – последнее истратил на новые стрелы. И лучше бы об этом никому не знать, пока снова не повезет.

В спину как бы случайно толкнул сосед – больно, но с извинениями. Трус несчастный. Вчера Энт не позволил ему избить батрака – пригрозил, что голову открутит. Обоим. Чтобы после работы людям спать не мешали.

Толпа стягивалась к княжескому замку – облезлому вагону с решетками вместо стекол. Полинялый ковер, что заменял двери, сдвинулся, страж посторонился. Из тьмы появился князь. Калаш – символ власти – покачивался на груди, из-под выцветших бровей сверлил взгляд готового к прыжку хищника. Заполненная площадка перед вагоном притихла. Так стая волков присмирела бы, почуяв вожака. Ловец по кличке Рыжий, главный конкурент Энта, заговорил:

– Добрый князь, вылазка удалась. – Рыжий рывком поднял на ноги молодую женщину в обносках. – Взял шатунов на границе с Лесными Землями.

Энту шатунья понравилась. Высокая, ладная. Приодеть, отмыть и причесать – взбесила бы местных девок. Бросились в глаза пухлые губы и родинка на виске. На скуле бурела кровавая корка – Рыжий постарался при поимке или по дороге. Женщина прижимала к себе ребенка лет пяти, одетого в лохмотья, с закрытой капюшоном головой.

– Мелкого покажи, – распорядился князь.

Шатунья замешкалась, затравленный взгляд метнулся с вождя на окружающих.

Капюшон с ребенка резким движением сорвал Рыжий. Передние ряды отшатнулись, тесня остальных, кто-то грязно выругался.

– И не сожрешь. – Князь плюнул под ноги. – Сожгите эту тварь, пока не заразились.

Толпа расступилась, и Энт поморщился, когда разглядел ребенка. В детстве он видел таких. Проснулось забытое чувство омерзения – плечи передернулись, по спине словно протасщили колючку.

Переносица вдавлена, вокруг маленьких косящих глаз – толстые складки, низкий лоб под странным углом переходит в затылок, а в уголках рта, растянутого в идиотской улыбке, пузырится слюна...

Как простуду, такое не подхватить. В прежнем мире это знал каждый, но за двадцать лет укоренилось: «Непохожее на тебя – опасно». Это суеверие спасло много жизней. И погубило не меньше. Но гибли чужие, а выживали свои. Итог всех устраивал.

– Добрый князь, мой сын не заразен, я не стала такой же! – Шатунья, как могла, закрыла ребенка собой. – Пощадите!

Ее глаза не косили, нос был с едва заметной горбинкой, тонкие пальцы гладили сальные патлы уродца. Князь не шелохнулся.

– Нельзя оставлять! – крикнули из толпы. – Сжечь обоих!

«Даун», – всплыло у Энта нужное слово. Так их звали – непохожих на прочих, с пустым взглядом и вечной улыбкой младенца. Надежды шатуны не оправдаются. Могут оправдаться, если произойдет чудо, но ненадолго – однажды ночью кто-то не вытерпит и восстановит порядок.

Женщина всхлипнула. Слезы прочертили на щеках светлые дорожки.

– Я встречал таких, – бросил Энт в повисшую тишину. – Может быть, и меня сжечь? Рыжий тоже знает, что к чему, вот и подумайте – привел бы он домой смерть?

То, что об этом знает и князь, лучше не упоминать, но кому надо, тот услышал. Их осталось трое из стариков, умеющих выживать – Энт, Рыжий и князь.

Стариков? Слегка за тридцать. В новом мире редко доживали до сорока. Естественный отбор безупречно срабатывал в их племени, откуда до плодородных земель было как до Луны, а неядовитые колодцы можно по пальцам пересчитать.

Энт поймал взгляд шатуны – благодарный и умоляющий. Энт отвернулся. Женщина видела в нем защитника. Она ошиблась. Он за справедливость, но не против князя.

Князь по-звериному втягивал воздух и молчал. Избавляться от выроodka бессмысленно, рабыня превратится в лютого врага или в безжизненную аморфную массу, это понятно любому.

– Он не будет обузой, – тихо заговорила женщина. – Нам хватит самой малости. Я отработаю. Он добрый, ласковый, терпеливый. Подрастет – тоже будет работать, а пока сможет развлекать. Он поет и танцует...

Энт покачал головой: зря она. Пока уродца не видят, есть хоть какая-то надежда. Если же вывести перед всеми...

– Я решил, – объявил князь.

Лицо женщины побелело, руки опустились.

– Первую неделю шатуны живет у меня, затем по жребью. Днем будет готовить для стражи, первой пробовать и разносить на посты.

В другой ситуации Энт непременно кивнул бы. Хороший ход. Там, где завистливый ближний подложит свинью, зависимый сделает на совесть. Князь со своей сворой выиграют. А женщина? Для нее это не милость, не уступка, это каторга – жуткая, изнурительная, бесконечная. На постах скучно, чужаки незаметно подберутся, им неоткуда взяться – племена сидят на источниках воды, а до ближайшего, в Лесных Землях, трое суток пути. Только если одиночки-шатуны забредут – из тех, что совсем жизнью не дорожат.

– Выродка поселим в одной из клеток, ключи – у ловцов. – Князь опустил взор на шатуны. – После работы можешь навещать, убирать и кормить.

«После работы». Ни Энт, ни прочие ловцы не поднимут задницы, чтобы переться к расположенным на окраине клеткам со скотом и добычей бесплатно. Отработка станет постоянной, кошмар – нескончаемым.

А шатуны... улыбалась. Энт вздрогнул и протер глаза. Не привиделось. Спятила? Не понимает?!

Женщина понимала все. Она смотрела на спасенного ребенка, и на ее умиротворенном лице сияла счастливая неземная улыбка.

Энт не понял, почему задрожали руки, защипало в носу, а в горле возник странный ком.

Уснуть не получалось. В голову надоедливыми насекомыми лезли ненужные и даже опасные мысли. Главный вопрос в любом деле – «Поможет ли это выжить?» Утвердительный ответ снимал ответственность и устранял угрызения совести. Шатуны в систему не вписывалась. И не давала покоя улыбка на обращенном к сыну-уроду лице. Стоило прикрыть веки, и выражение мадонны, со вселенской любовью глядящей на божье дитя, как наваждение вспыхивало перед глазами.

За двадцать с лишним лет после катастрофы желания у людей стали просты: выжить и, если повезет, продолжить род. «Женщина – вещь, слабак – еда, больной – беда», – гласил главный закон выживания. Каким-то чудом шатунья с ребенком оставили естественный отбор в дураках. Опыт ловца говорил: сила не в том, что выглядит силой, сила – то, что побеждает. Энт ворочался на постели из тряпья, глядел сквозь сгущенный сумрак на стены из фанеры и не мог взять в толк, каким образом постороннее событие пошатнуло устоявшуюся жизнь. «Каждый за себя!» – кричал опыт прошлого, но тысячи подтверждений этого перечеркивала одна улыбка самопожертвования. Сила должна побеждать, это ее неотъемлемое свойство, проигравший не может быть победителем.

Оказалось, что может. И что теперь делать, если прозрение отменяло смысл прежней жизни?

Ответ лежал на поверхности. Энт поднялся, собрал все ценное и выскользнул из лачуги.

Перед вагоном дремал стражник. Энт потряс его за плечо. Нельзя убивать спящего, он обязательно вскрикнет.

Нож привычно и легко вошел в сердце. Труп остался приваленным к стенке – для окружающих страж продолжал нести службу. За сдвинутой завесой ковра слышались два дыхания. Оба ровные. Перешагнув растяжки и простенькую для опытного ловца западную, заголенничным тесаком Энт полоснул князя по шее.

От хрипа и бульканья лежавшая рядом шатунья проснулась. Энт зажал ей рот.

– Ты шла в Лесные Земли? – тихо спросил он.

Испуганные глаза над ладонью медленно моргнули.

Новый день они встретили в степи. В сиянии рассветных лучей Энт любовался сильной поджарой фигурой спутницы. Губами. Родинкой на виске. Суровым взглядом. А перед глазами стояла улыбка – полная любви в момент, когда другие кричали бы от ужаса.

Женщину звали Мия.

– Папа? – ударил по ушам чуть хрипловатый детский голос.

Энт вздрогнул, взгляд метнулся к источнику звука, но сбился, будто подстреленный. Пересилить себя не удалось. Ребенок внушал отвращение на уровне инстинктов.

– Помолчи, милый. – Мия опустила глаза. – Этот хороший дядя отведет нас в Лесные Земли.

Хороший дядя?! Энт криво усмехнулся. Голова повернулась чуть не со скрежетом – он все же заставил себя посмотреть на ковылявшего рядом коротконового уродца.

Маленькие глазки в мерзких складках. Открытый рот. Жуткая плоская переносица. Энта передернуло.

И вновь: пухлые губы. Родинка. Но главное – улыбка, о которой не забыть. До вчерашнего дня Энт представить не мог, насколько самоотверженной бывает любовь. Просто не знал любви – настоящей. Если все получится, и эта женщина будет так же сильно любить пусть не его самого, но хотя бы их будущих детей... Этого достаточно для счастья. И тогда...

Тогда, возможно, и он научится любить.

Энт остановился. Сердце бешено колотилось, во рту пересохло.

Мия с сыном повернулись к нему. На этот раз взгляд Энта не отскочил, а протянутая рука приняла в себя маленькую ладонь.

Ничего страшного. Просто рука ребенка – теплая, почти невесомая, беззащитная.

Просто. Рука. Ребенка.

Энт сжал ее крепче.

– Мама не права. – Он помедлил и твердо завершил: – Папа.

Часть вторая Идеалистка

Глава 1

Ее не заметили. Ночью мало кто смотрит в небо. Затянутое облаками, оно казалось потолком, что навис над макушкой и давит, давит, давит... От горизонта до горизонта раскинулась свинцовая тьма, она делала мир маленьким и неудобным, необозримый простор сузился до размеров площадки с ограждением из бетонных плит. Черноту накрывшего гору мрака прорывало только зарево костров за стеной, а тишину нарушали гомон из хижин поселка внизу и периодическая переключка часовых. От промозглой прохлады Нора вздрогнула, вновь захотелось двигаться, чтобы превратить ненастье из врага в милого друга. Небо, такое знакомое и родное, было рядом, но отныне все станет по-другому. Решение принято.

Небо. Бездонное, могучее, зовущее. Ласковое, как мать, и строгое, как отец. Иногда брюзжащее, как вредный дед, нетерпеливое, как Лек, и сильное, как старший брат, которого у Норы никогда не было.

– Прощай, – сказала она в пустоту, застегнула рюкзак и протяжно выдохнула.

Долгий путь окончен.

В небе много опасностей, но на земле – больше. Нора осмотрелась. Обидно, если все рухнет сейчас, когда рукой подать до Небес. Нет, «обидно» – не то слово. Точнее будет – неправимо.

Из-за окружавшей площадку стены несло гарью, доносился треск дров, в воздух взмывали веселые искры. Дорога, Ворота и внешние подходы охранялись надежно: на деревянных вышках день и ночь дежурили наблюдатели, сквозь амбразуры внешней стены стрелки держали на прицеле освобожденную от камней и кустов голую землю, где не спрятаться даже в ночи. Между стенами – внешней, возведенной из камня и обломков зданий, и установленной в прежние времена стальной внутренней, которую называли Границей миров – дымили домашними очагами дома племени стражей. Жизнь каждого члена племени, мужчины и женщины, старика и ребенка, подчинялась единственному требованию: охранять Границу миров. Но никому не приходило в голову, что запертые на ночь ворота и многочисленная охрана – не проблема для того, кто умеет больше.

Вдох полной грудью, прощальный взгляд вокруг – и Нора обернулась к центру площадки. Вот она, цель долгого страшного путешествия. Если спросят, Нора расскажет, как чудом избежала плена, как уклонялась от стрел и металась в бреду после огнестрельных ран. Хотелось забыть, вычеркнуть из памяти. Впереди – другая судьба, невероятные возможности и новые друзья. Теперь Нора сможет перевернуть жизнь людей, все зависит от нее и от тех, кто ее увидит. И от слов, которые она подберет. И от желания Небесных людей все изменить.

Такое желание у них должно быть. Если нет, она попросит сделать ее такой, как все. Это тоже выход. Быть как все – главное требование окружающих, необходимое условие выживания.

О Колеснице-в-Небеса говорили многие, но мало кто видел – увидевшие уезжали на ней, а не верившие считали выдумкой, наживкой для простачков, чтобы несли ценности неизвестному племени, где искателей новой жизни, надо полагать, просто сжирали. Слухи оказались слухами, теперь Колесницу можно было потрогать – вот она, абсолютно реальная, похожая на вертикально поставленный контейнер, гость из другого мира. Три иллюминатора глядело в разные стороны, внизу скругленное дно опиралось на основание из бетона, потрескавшегося

за годы. Сверху поблескивала нить из металла – она, словно луч, указывала на звезды, туда, где другие люди живут по другим законам. В мир надежды.

Собравшись с духом, Нора протянула руку к стальной поверхности. Стук в стенку отдался гулом внутри. Долго ничего не происходило. Эти минуты показались вечностью. После стольких лет ожидания и подготовки, после отчаянья и надежды, после слез и потерь...

Через невыносимо долгое время в иллюминаторе мелькнул силуэт и сразу пропал. Человек боялся – может быть, выстрела, или самой ситуации, когда его застали среди ночи врасплох.

– Отойди, чтобы я тебя видел, – раздалось изнутри.

Слова гудели в стальной коробке, будто завывал ветер, и доносился не столько сам голос, сколько вибрации. Человек боялся открыть. Нора понимала его. Как ни всемогущ и уважаем посредник между людьми земными и небесными, а желающих занять его место предостаточно. С другой стороны, будь управление Колесницей простым делом, Извозчика давно сместило бы племя, что охраняло посадочную площадку. Этого не произошло, значит, без особых знаний и умений не обойтись. Но защита от наглых недоумков, в алчном кураже уверовавших в собственную исключительность, быть обязана, потому Извозчик и осторожничает. На его месте Нора даже не разговаривала бы с посетителем вроде себя. Она подождала бы, пока утро и открывшиеся ворота не прояснят ситуацию. И все же Нора пришла ночью – по-другому не могла. Ждать утра – равно ждать палача и приговора, стражи границы оплатят ей за нарушение правил, и вердикт известен заранее – вариации возможны лишь в степени жестокости при казни, которую ей подберут.

Нора отошла, достала огарок свечи и чиркнула огнивом. На полированной поверхности Колесницы отразилась тонкая безоружная фигура, на металле заиграли оранжевые отсветы. Нора надеялась на любопытство Извозчика, и это сработало. Изнутри прогудело:

– Одна?

Глупый вопрос. На голой каменной площадке спрятаться негде: только Колесница в центре и стена по кругу с наглухо запертыми изнутри воротами.

– Одна. – Нора развела руками, показывая на пустоту вокруг.

– Ночью проход закрыт, как тебя пропустили?

– Я не спрашивала разрешения. Вот плата за проезд. – Нора указала на лежавшую в ногах сумку. – Мне сказали, что берете продуктами, любопытными вещами и историями. У меня хватает всего.

В иллюминаторе вновь появилось прильнувшее лицо.

– Расставь ноги шире и разведи руки в стороны. Оружие есть?

– Нет. Мне объяснили правила: явиться без оружия, с дарами и рассказами, которых должно хватить на долгое путешествие. Я хорошо подготовилась к поездке.

– Не опускай руки. Сделай круг на месте.

Нора медленно провернулась вокруг оси. Ее предупреждали, что будет досмотр, и что любая угроза Извозчику или Колеснице приведет к моментальной гибели. У нее не было при себе ничего, что могло вызвать тревогу. Только рюкзак. Но он одновременно и приманка, на которую клюнет скучающий человек. Нора должна не напугать, а заинтересовать, тогда дверь, несмотря на ночь, откроется, и мечта осуществится.

Ниспадающие на плечи темные волосы, легкий плащик, под ним короткий балахон, сверху рюкзак. На ногах сандалии с ремнями выше щиколоток. Все хорошо просматривалось, ничто не представляло опасности. Перед Извозчиком – слабая безоружная женщина, другого толкования быть не может.

Когда взгляды вновь встретились, донеслось:

– Что в рюкзаке?

– Подарок небесным людям.

Нора стояла прямо, рюкзак ничуть не оттягивал плечи. Взрывчатку принести в таком, конечно, можно, но немного, иначе пришлось бы согнуться в три погибели. Извозчик видел, что это не так. Кроме умения обходить стражу другой опасности Нора не представляла, Извозчик помедлил и, видимо, пришел к тому же выводу: взрываться ночная посетительница не собиралась.

Стальной скрип двери показался Норе райской музыкой.

– Заходи в тамбур, – Извозчик говорил из внутреннего отсека Колесницы, – про карантин что-нибудь слышала? Нужна дезинфекция. На Небесах лечат любую хворь, но не любят, когда им несут блох или вшей.

С сумкой в руках Нора шагнула внутрь, и дверь за ней затворилась. Правильнее назвать это люком – массивным, сделанным из светлого металла. Внутри Колесница не поражала воображение, в фантазиях все выглядело намного круче. Открывшееся помещение разделялось перегородками на три отсека. В одном находился пульт управления – с темными экранами над столом, полностью утыканным кнопками и рубильниками. Двигатель и прочая механика, должно быть, располагались в верхней части аппарата. Второй отсек под завязку набит тюками и коробками. Скорее всего, это дары Извозчику, оставленные прежними пассажирами. Понятно, что за его место другие полжизни бы отдали, включая одну-две не слишком нужных в быту конечности. Это же мечта обывателя – непыльная и баснословно оплачиваемая работенка. Примерно раз в год, как узнала Нора, сюда прибывал купец-караванщик, досматривать которого пограничники не имели права по договору с небесными людьми. Он скупал у Извозчика излишки и передаваемые сверху артефакты, а привозил то, что интересно небесным людям или необходимо для обеспечения пути на Небеса. Но не всему стоило верить, что рассказывали о Колеснице и Извозчике. Знания о небесных людях Нора собирала по круплицам, отсекала явные небывлицы, и оставшееся вполне походило на правду. Увиденное собственными глазами это подтверждало.

Последний из отсеков от входа не просматривался, там и оставался Извозчик, пока Нора стояла в тамбуре. От салона с отсеками тамбур отделяла перегородка со стеклянной дверцей, нижняя половинка стекла открывалась отдельно, ее предназначение тут же выяснилось.

– Сумку и рюкзак просунь в люк снизу, затем сними одежду с обувью и отправь туда же. Все это я продезинфицирую здесь другим способом. Чем-нибудь больна?

– Нет. Ничем заразным.

– Любопытный ответ. Впрочем, все так говорят, а потом выясняется, что от небесных людей требуется именно излечение от смертельного недуга. Что же привело сюда тебя?

– Желание помочь миру встать с колен и подружиться с природой. С моей помощью небесные люди сделают мир лучше. Неизмеримо лучше. Заблудившаяся в тупиках цивилизация не наступит на прежние грабли, и у всех нас появится будущее.

– Похвальное желание. Обычно ищут личной выгоды, безопасности или, как уже сказал, выздоровления. Кто-то просто поверил в сказки, что неожиданно оказались правдой, а кто-то знал, куда и зачем пришел. Кто-то жертвовал собой, чтобы спасти умирающего любимого. Но всегда имелся личный мотив. Не верю, что ничего не хочешь лично для себя.

Правильно не верит, просто это «для себя» каждый понимает по-своему. Одним нужны богатство и удовольствия, другим – видимый результат усилий, от которого всем станет лучше. Удовольствие от последнего выше, чем от корыстных хотелок. Жаль, большинству не понять этого и, что еще более обидно, им даже не объяснить. Но постараться надо, от Норы ждут ответа, и слова должны быть такими, чтобы максимально прояснить ее намерения и мотивы.

– Мир дал мне многое, – сказала она. – Это мягко сказано, точнее будет – у меня было все. Хочу вернуть долг.

– Идеалистка, значит?

– Как небесные люди встречают посланцев снизу?

– Оправданное опасение. – Извозчик помолчал. – На этот счет можешь не беспокоиться. Расскажи, как попала сюда.

– Это самое интересное в моей истории. Если раскрою сейчас, дальнейший рассказ потеряет интригу, получится плоским и тоскливым. Мне сказали, что вы любите умелых рассказчиков.

– Что же, давай растянем удовольствие. Можешь приступать, процедура дезинфекции будет долгой.

Нора задумалась. Момент встречи и последующего повествования о ее жизни много раз представлялся в мечтах, и часто казалось, что он никогда не наступит. Сколько пришлось пережить...

Теперь все в прошлом, ожидание подошло к концу. А чтобы Извозчик понял, почему произошло то, что произошло, начать надо с самого детства. Даже с рождения.

Нора на миг закусила губу. Итак...

Глава 2

Мама Риена не оправилась после родов. Она выжила, но разве это жизнь – с неправильно сросшимися внутренностями? Все силы уходили на то, чтобы поставить на ноги единственного ребенка, и если бы не жившая неподалеку бабушка, почти поселившаяся у них после рождения Норы, и не посильная помощь папы Ноджа... Папа не бросил маму, как, по слухам, произошло бы в любом соседнем племени. Он знал, что ни другой жены, ни, тем более, детей у него больше не будет, и редкое свободное время посвящал «своим девочкам». Нора любила папу и безмерно жалела маму, а те ее просто боготворили. Счастливая семья – сказали бы многие, кто не знал, какими трудами ковалось это счастье. Впрочем, судя по брани и постоянным крикам из соседних контейнеров, более благодетельствованные судьбой люди похвастаться счастьем тоже не могли. Может, оно не в отсутствии проблем?

О присутствии счастья человек узнает, только когда его теряет – Нора осознала это со смертью мамы. Чуть раньше из жизни ушла бабушка. Счастье кончилось. То есть, до этого момента оно, оказывается, было, а теперь...

Все изменилось. В жизнь пришла пустота – тягостная, жуткая, невыносимая.

Папа был солдатом, следил за пустыми землями. Ночевать дома ему удавалось не чаще, чем позволял график – сутки отдыха через пять рабочих. И даже это не всегда получалось: или нужно было подменять заболевшего, или просто не оставалось сил часами идти через пустыню, чтобы побыть немного в родных стенах. А когда добирался, он падал на тюфяк и отключался. Можно было по стальным стенам молотком стучать – папа не проснулся бы.

Пусть мама, пока была жива, почти не вставала с постели, но за Норой следила и каким-никаким воспитанием занималась. После ее смерти приглядывать за жаждавшей познавать мир непоседливой девочкой стало некому.

Выходить из дома Норе категорически запрещалось. То, что ее годами держали взаперти, не было чем-то особенным, так поступали со всеми девочками. Обычная женская доля. Папа объяснил почему. Во времена большого беспредела, что случился после катастрофы, племя едва не погибло в бою с бандитами. Ныне такого произойти не могло, беспредел закончился примыканием большинства племен к договору о Дорогах. Тех, кто отказался, игнорировали или совместно уничтожали. После подписания договора больших банд в округе не осталось, они захватили земли в более богатых краях, где и осели, или были перебиты. Но это произошло чуть позже, и одна жившая разбоем лихая компания успела разграбить поселок, забрала все ценное и ушла дальше. Они увели почти всех девушек племени. Многих жителей убили. Чтобы избежать нового нападения, нужна сила, нужны люди. В те времена правил молодой король-неумеха, позже прозванный так из-за неспособности организовать оборону. Прозвища у него были и похуже, но с этим согласился даже сам бывший король, которого, в конце концов, посадили на кол. Место неумехи занял нынешний король-колдун, тогда еще просто король Джав – активный, жесткий, умный. Хитрый. С тех пор никто не погиб из-за нелепых действий правителя. Погибали по другим поводам, оттого и странное прозвище прибавилось к титулу нового владыки.

Наладить жизнь новый король сумел. Для увеличения численности в племени стали давать приют шатунам. Пришлось делать выбор, и король предпочел риск. Если человек обаялся жить по местным законам, он становился своим. Первое время за новенькими следили, потом это стало ненужным – нарушать правила не было смысла, любой проступок грозил смертью, а смерть – именно то, от чего люди бежали из других мест. Причины у всех были разные, здесь о них знал только король, остальные в подробности не вдавались и принимали новых соплеменников как равных.

Главной проблемой стала нехватка женщин. За каждую между холостыми мужчинами шла нешуточная борьба с интригами и мордобоем. Для женщин это в конце концов обернулось затворничеством. Теперь каждый выход без сопровождения родственника давал окрестным мужчинам намек, что женщина ищет приключений либо недовольна своим мужчиной, если таковой имелся. Это приводило к дракам, а те – к членовредительству вплоть до смертоубийства. Терпеть беспредел местного масштаба король не намеревался. В племени каждый боец наперечет. А как запретить драки? С тем же успехом можно заставить солнце сесть на востоке. Умный правитель не издает законов, которые не будут выполняться, тогда он перестанет быть правителем. И король-колдун избрал другой путь.

Проще страхом заставить женщин сидеть по домам, чем разбираться с враждующими мужиками. Это и было сделано. Через годы другая жизнь воспринималась сказкой, женщины превратились в домоседок, а мужчины тратили силы на заработок – чтобы обзавестись женой, ее нужно купить. Меньше женщин – выше цены. А женщин было о-о-очень мало.

– Понимаешь?

– Да.

Слишком быстро ответила. Папа нахмурился:

– Нора, это не шутки. На кону наши жизни.

– Я все понимаю.

Она кивала, слушая папины истории и наставления. Да, нельзя выходить без родственника мужского пола, который у нее всего один. Нельзя попадаться на глаза чужим дядям, особенно неженатым или, тем более, вдовым. Как отличить одних от других папа не рассказал, а вывод озвучил естественный: ради безопасности за дверь вообще не выходить, еду он принесет и мусор с отхожим ведром вынесет. А если приспичит, на то есть женский час.

Женским часом, когда мужчины поголовно дрыхли после трудов праведных, называли рассвет. Закутавшиеся с головы до ног фигуры выходили из служивших домами контейнеров, и выливали в ближайший овраг отхожие ведра. Иногда они переговаривались, но даже подружиться не успевали, не было времени. Час только назывался часом, правила обязывали вернуться домой до того, как мужчины пойдут на работу. Нора прикладывала ухо к стене, но долетало не больше, чем краткое перекидывание словами:

– Когда третьего ждешь?

– Через месяц. Надеюсь, на этот раз будет девочка. Лучше бы две.

– Гилла родила близнецов, двух пацанов, Джамирас ей почки отбил.

– И что будет делать, когда она сляжет на полгода или совсем скопытится?

– К тебе посватается. У него денег много.

Для Норы именно это казалось настоящей жизнью. Каждое слово – откровение.

Ей запретили выходить даже в женский час. На это были причины, но как заставить ребенка усидеть на месте, когда вокруг – огромный непознанный мир? Душу переполняла зависть к девочкам, у которых были братья. Днем они вместе ходили за водой, иногда даже играли – Нора видела это через щели в стальных стенах. Дом постепенно ветшал, а на новый папе никогда не заработать. Едва хватало на пропитание. Выходом было удачное замужество, но до него требовалось дожить без непоправимых приключений. И найти хорошего супруга для такой, как она, представлялось проблемой.

Мама умерла, когда Норе исполнилось одиннадцать. Незадолго до этого мама сшила ей рюкзак из старой отцовской куртки – большой, красивый, со множеством ремешков и застежек – и Нора как вышла в нем на улицу в первый раз, так без него ее больше не видели.

Выйти заставил невыносимый запах. Безветренная погода стояла почти неделю, палило солнце, и дом раскалился так, что приходилось сидеть в яме в земляном полу. Папа не возвращался уже третью вахту, и когда вернется – неизвестно. Нора гордилась папой, он был настоящим героем. То, что он рассказывал, бывая дома, в ее глазах делало его сверхчеловеком. Такие

события! Такие подвиги! Такие испытания! Будь папа Нодж гвардейцем, все сложилось бы по-другому, но он служил обычным постовым. Солдаты племени делились на постовых внешних и внутренних, последние назывались королевской гвардией, они охраняли жилище короля, самого владыку и Дороги. Таможенные посты на Дороге давали дополнительный приработок, а работа по охране главного человека племени позволяла меняться каждые пару часов и, соответственно, ночевать дома.

Семье Нора не повезло. Видеть папу дома каждый день оставалось несбыточной мечтой.

Чтобы устроиться в королевскую гвардию, нужно дать подношение Ферзю – так в народе называли настража Боно. Нора не знала, что слово «ферзь» значило раньше, но звучало оно внушительно. «Настраж» был понятнее, это всего лишь сокращение от «начальник стражи».

На подношение в семье не было средств, поэтому папа служил обычным постовым – их еще называли пустынноиками, по расположению постов. Посты располагались в особых точках далеко за пределами поселка, откуда хорошо просматривались окрестности. Дежурили по четверо, двое постоянно обходили назначенный участок, третий смотрел вокруг, четвертый отсыпался, периодически меняясь с третьим. Вернувшаяся пара отправляла в пеший дозор отдохнувшую. После пяти суточных дежурств давался день отдыха, затем постовых тасовали и в новом составе отсылали на другие точки – чтоб не могли сговориться с шатунами, контрабандистами или с возможным противником. Король Джав хорошо усвоил урок, стоивший трона и жизни прежнему правителю.

После смены папа приходил редко, но Нора знала – он вернется. Папа всегда возвращался. А если бы – тьфу-тьфу-тьфу – что-то случилось, ей бы сообщили. До сих пор к контейнеру Ноджа никто не пришел, это радовало – с папой все хорошо. Встав в женский час, Нора надела грубое белье, сшитое себе самостоятельно, натянула рубашку и юбку, влезла в плетеные босоножки и крепко застегнула на животе опоясывающий ремень рюкзака. Поверх всего она закуталась в мамин платок и только тогда отворила дверь.

Такой ее увидели впервые – тоненькой неразговорчивой брюнеточкой с рюкзаком за плечами. Женщины молча оглядели ее, кто-то хмыкнул. Несколько девочек пошушукались, но в разговор не вступили.

Вокруг простиралась иссушенная земля. Ветер, скучая, бросал пыль в лица согбенных от тяжелой жизни людей, обсыпал облезлые контейнеры. Говорят, в других племенах люди живут в каменных домах – таких, как в руинах Города, что доживает свой век за отравленным озером. Даже представить трудно. Как прикрутить полку к бетонной плите? Как в толстом потолке проделать дыру для освещения?

Нора молча шла к отхожему оврагу под прожигающими взглядами, в которых было все: любопытство, жалость, высокомерное презрение, равнодушие...

И тут Нора вспомнила. Люди, когда встречаются, здороваются, она видела и слышала это постоянно. И первой, как помнилось, поздороваться должна младшая.

– Здравствуйте, – сказала она.

Лица вокруг просветлели.

– А мы уж думали, что немая. Такая здоровая вымахала, а Нодж тебя все от людей прячет. Ущербная, поди? Открой лицо, нас не надо стесняться.

Под десятками уставившихся на нее глаз Нора размотала платок.

Папа всегда называл ее красавицей. Надрасная до блеска стальная пластина, в которую он смотрелся, когда подрезал бороду, ей, долгими месяцами безвылазно сидевшей дома, показывала маленький носик, тонкие яркие губы и огромные глазницы, карие, как свежепокрашенный контейнер (в их районе таких всего два, у лекаря и у новоиспеченного гвардейца, который наскреб на подношение). Высокий лоб и бледные щеки окутывала роскошная тьма – длинные иссиня-черные волосы, за которыми Нора ухаживала как умела. Она даже потрянула головой, чтобы все увидели ее гордость и старания. С фигурой тоже все было в порядке – чтобы не

превратиться в рыхлое страшилище, как Рафиза, жена горшочника, дома Нора все время старалась двигаться: приседала, изгибалась на все стороны, ходила колесом и прыгала по стенам, где было за что зацепиться. Это сказалось на внешности. Во взглядах проскользнул интерес, брови изумленно вскинулись, послышалось удивленное цоканье языком.

Одна из женщин, тощая жердь с синевой под левым глазом, проговорила:

– Симпатичная мордашка.

– И не только мордашка, – поправили ее другие.

– Папаша не зря держал конфетку под замком. Теперь ее съедят.

Нора промолчала. Когда на рассвете женщины проходили мимо ее дома, она слышала их разговоры, и этот ничем не отличался от прочей пустой болтовни. Ее хотели увидеть – ее увидели. Можно заняться делом. Она вновь замоталась в платок и шагнула к краю оврага.

Жердь не оставила ее в покое:

– А рюкзак зачем?

– В нем запасное ведро!– хихикнула девчонка чуть старше Нору.

– Это память о маме, – сказала Нора.

– Память о маме надо носить в сердце, а не на спине, – процедила присевшая на землю старуха. Она казалась такой старой, что вряд ли подняла бы наполненное ведро. Видимо, приходила ради общества. Сутками сидеть взаперти, говорили, некоторых даже до сумасшествия доводило.

Сумасшедших, кто мог представлять опасность, в племени сначала надолго запирали в ожидании, будет ли новый приступ... а как ему не быть, если из солнца и аромата улицы вновь поместили в темень и вонь контейнера?! Любой сорвется, даже здоровый. Это объявляли угрозой и от носителей неправильных мыслей избавлялись. А уродцев сразу предавали смерти: люди знали, что бывает с отступившими от этого правила. Из уст в уста передавались страшилки про нечисть и про целые племена, уничтоженные неизвестной заразой. Виновным, как правило, объявляли скрытого нелюдя, которого пощадили сердобольные отец и мать.

Законы племени позволяли долгое время скрывать любую необычность: никто не имел право пересечь порог чужого дома, если нет губительного для племени повода. Также на границе действовало правило: никто с особенностями, из-за которых могут пострадать люди, ни под каким предлогом границу не пересечет. Когда у соседей родился двуногий сын, его сожгли. Еще ходили слухи, что кто-то сразу закопал ребенка, не показав, что именно у него не так. Зато в поселке благополучно выросли девочка-карлик с маленькими ножками и девочка-даун с лицом как у пьяницы, которого приложили о кирпичную стенку. На той и другой кто-то женился. Правда, если бы с такими особенностями родились мальчики, никто не дал бы за их жизни гроша. Папа говорил: «Все люди разные, есть высокие и низкие, толстые и худые, черные и белые... в общем, всякие. Но они почему-то не любят тех, кто хоть чем-то отличается от большинства. Никогда это не забывай».

Нора стала ходить к оврагу ежедневно. Потом папа рассказал, что одни приняли ее за двинувшуюся умом на почве маминой смерти, другие решили, что под рюкзаком скрывается горб, из-за этого за Норой закрепилась кличка Горбатая. Поскольку говорила она складно и отличалась завидной привлекательностью, соплеменники в конце концов ласково прозвали ее Горбушкой, и это прозвище прилипло намертво. Скорый расцвет уже сейчас привлекательной Нору сомнений не вызывал, и поступили первые предложения.

Сначала посватался безногий солдат, бывший папин сослуживец, нуждавшийся в постоянном уходе. Ему требовалась не столько жена, сколько сиделка, и пусть Нору он не видел, но представлял по рассказам других. Видимо, рассказы впечатлили.

Вторым посватался сосед Леон из контейнера слева. Его предложение было даже двойным: не имея за душой ни гроша, он готов был жениться как сам, так и взять психически

ущербную девочку для единственного сына и наследника. В чем состояло наследство кроме долгов и разваливавшегося контейнера, сказать не мог никто, даже он сам.

Следующее предложение поступило от трижды овдовевшего старика. Замужество дочек от прежних браков принесло ему достаточно средств, чтобы не жить одиноко, но с возрастом и растущим количеством болячек соплеменники перестали считать его вариантом для своих чад. Каждый надеялся на внуков и, особенно, внучек, чего дряхлый жених никак не гарантировал. Нору старик посчитал подходящей партией: он закрывает глаза на ее возможные странности, а папаша Нодж получает достойного зятя и наследство в не столь отдаленном будущем. Наследство было осязаемым, но не факт, что старец не погубит еще одну молодую душу, чтобы позже пообещать посмертные блага родичам очередной претендентки.

Со временем предложения стали делать люди другого уровня – купцы, фермеры, гвардейцы. Сватались как мальчики (естественно, стараниями женатых родителей, жаждавших своевременно забронировать редкий товар), так и те, кто помнил молодую Риену – эти надеялись, что дочь окажется еще более лакомым кусочком и не менее хорошей хозяйкой. То, что они видели, когда Нора выходила в поселок в сопровождении папы, убеждало, что так и случится. Каждого из сватавшихся интересовало, в чем же изъян прелестной девочки – в голове, что для большинства никакого значения не имело, или в физическом плане, который для многих, у кого с деньгами негусто, тоже проблемы не составлял.

Папа Нодж никому ничего не сообщал и не обещал. «Всему свое время, – говорил он. – Когда Нора станет взрослой, тогда и решим, кто более достоин составить пару ее красоте».

Жизнь девочки по имени Горбушка разительно отличалась от прежнего существования затворницы Нору. Глядя, как под присмотром братьев некоторые девочки бегают наперегонки, прыгают через веревку и свободно ходят (в сопровождении, конечно же) по поселку, Нора плакала в подушку, набитую затхлым сеном, и до крови кусала руки. Ей тоже хотелось брата. Или друзей. Но дружить разрешалось только мальчикам. Приятельство мальчика с девочкой однозначно воспринималось окружающими как помолвка, а если это было не так, родители принимали меры. Какие – Нора не знала, но больше одного раза чужие друг другу мальчик и девочка никогда не встречались. Даже поглядеть друг на друга боялись.

Если нельзя гулять с кем-то, Нора решила делать это одна. Чтобы не скрипеть стальной дверью, она в особо темные ночи вылезала через тихо открывавшийся щит поверх дыры в крыше, удерживаемый от любопытных мальчишек только щеколдой.

Кстати, да, особо настырные мальчишки тоже не давали расслабиться. За Норой подглядывали, такое случалось не раз. Мальчишки есть мальчишки, это взрослые согласны подождать до ее превращения в девушку, а поселковым сорванцам до зарезу требовалось узнать, какой у Горбушки горб. И что это, вообще, такое, ведь горбатых никто не видел, горб – просто слово из прошлого.

Этой ночью папа, как почти всегда, был на работе, и Нора решила прогуляться. Дождаться темноты пришлось в продуктовой яме – снаружи долго слышалась возня, к щелям в стенах то и дело приникали неугомонные лица, выискивая внутри жертву. Судя по звукам, мальчишек было двое.

– Лек, ну как? Видишь? – громко шептал первый.

– Тихе, нас услышат, – отвечал второй, более осторожный.

– И что с того? Папаня у нее за тридевять земель, а она девка боевая, хоть и притворяется тихушницей. Может, захочет с нами поиграть?

С удовольствием бы поиграла. Но если об этом узнает папа...

Лек – знакомое имя. Это сын Леона из контейнера слева, того соседа, что сватался одним из первых. Дай папа Нодж согласие, и этот мальчик или его родитель в скором будущем стал бы ее мужем.

– Ну? – снова шипел первый. – Чего там?

- Да тише же, – отвечал Лек, примериваясь глазом к щели. – Кажется, что-то вижу.
- Где?! – Тень снаружи оттолкнула более мелкую. – Что?! Не вижу.
- Я и сам не видел, мне только показалось, что я что-то видел.

Нора тихо смеялась. Пока в доме не зажжешь лучину, мальчишкам ничего не разглядеть. Если, конечно, не подставляться под лунный свет. Поэтому она сидела в яме – заодно спасалась от жары, днем превращавшей контейнер в печку. Окон в местных домах не было, их заменяли щели и дыры. То и другое образовывалось от ветхости, но было очень кстати: без притока свежего воздуха внутри не выжить, а без света ничего не видно. Верхние отверстия, часть которых сделали специально, также служили для сбора дождевой воды, ведь маленького колодца в глубине продуктовой ямы, такого же, как в любом другом доме, не всегда хватало на все.

Поселок стоял на единственных во всей округе незараженных грунтовых водах. Вокруг, на десятки километров, питьевые источники давно иссякли или отравлены. Люди дрались друг с другом за лучшую долю, а проигравшие в отместку успевали изгадить нападавшим радость победы. В конце концов, жить в мире и торговать оказалось выгоднее и надежнее, но вода за пределами поселков осталась испорченной.

Соседями были столь же маленькие племена, выделялись только Лесные земли – сообщество нескольких королевств. Объединившиеся и установившие единую границу, они могли бы захватить соседей, если бы те представляли интерес. В том и загвоздка: какой толк умирать за клочок никудышной земли, где уйма народу существует за счет единственного источника? Если отравят и его, закроется Дорога, и последствия окажутся намного хуже. Нынешнее положение устраивало всех, никто не лез к соседям, и нельзя было придумать ничего лучше.

О племенах, шатунах и былых войнах рассказывал папа. Это так увлекало, что Нора потом долго не находила себе места. В четырех стенах делать нечего, только заниматься домашним хозяйством и всяческим рукоделием. Как все женщины племени, она ткала, шила, плела и вязала для себя и папы, для налога королю и на продажу. Этим ремеслом занимались все женщины. А когда руки заняты чем-то однообразным, в голову лезет тако-ое...

Нора мечтала – с утра до утра, с небольшим перерывом на сон. Весь мир сосредотачивался в щелках, откуда слепил яркий мир, и когда Нора, наконец, не вытерпела...

Она стала гулять по ночам. Самодельный люк в крыше, сделанный папой на месте большой дыры, отворялся почти бесшумно, и Нора, одетая в темное и с неизменным рюкзаком за плечами, отправлялась в пугающую чарующую неизвестность. Тогда она впервые разглядела звезды. Яркие огоньки представлялись глазами небесных людей, о которых ходило столько сказочных слухов. Звезды блестели над головой так близко, что казалось, будто можно зачерпнуть мерцающую горсть и полюбоваться поближе. Ночная прохлада звенела гулом насекомых, их песне вторило сердце. Упоения свободой, которое ощущалось снаружи, не передать словами. Сердце сжималось от невыносимости открывшейся бесконечности мира. Это были лучшие часы жизни.

Постепенно Нора осмотрела все закутки поселка. Выбиралась даже за его пределы. Отлучаться далеко и надолго было опасно – ее отсутствие мог обнаружить проснувшийся или рано пришедший со службы папа. Или что-то могло произойти с ней... но пока все удавалось. Окрестности становились все более знакомыми. Отлучки и возвращения Норы проходили незаметно – ночью мало кто выходил из дому, всяких работ-хлопот днем наваливалось столько, что на другое сил не оставалось. Нора этим пользовалась. Не спали только на постях, но их местоположение было известно, и смотрели оттуда, естественно, наружу, а не на поселок.

Это случилось неподалеку от одного из постов.

Двое. Она напоролась на них там, где никого не должно быть. Первый позыв – назад, без оглядки, пока не заметили...

Вместо этого Нора приблизилась и спряталась за валуном. Мужчина и мальчик оказались ей знакомы. Батрак Конидор и его сын Кост. Недавно Конидор, пытаясь взвалить на плечи

неподъемный вес, повредил спину и больше не мог работать ни грузчиком, ни пахарем. И денег на лечение не было. И до того не блиставший богатством, он все отдал лекарю несколько лет назад, когда болели дочь и жена. Не спас. На то, чтобы добыть в дом новую хозяйку хотя бы как будущую жену для сына не было даже надежды – теперь до конца жизни отрабатывать долги, и еще сыну останутся.

Они плелись по песку – тощие, ободранные, почти высушенные. Кожа да кости. Удрученные позы, впалые щеки. Потухшие взгляды. У сына через плечо – перевязь с нехитрым скарбом, больной отец еле шел – каждый шаг давался с болью, и Конидор, видимо, больше сидел на привалах, чем двигался вперед. Кост усадил отца на землю, достал пластиковую бутылку и потряс над раскрытым ртом. Если оттуда что-то вылилось, то сущие капли – о пустоте бутылки можно было догадаться издали.

В этой стороне нет дорог. В нескольких днях опаснейшего пути, на который отваживались только шатуны и редкие ныне контрабандисты, лежали Лесные земли. Из поселка, в котором обитало племя, Дороги вели только к людоедам и азарам. Купцы Лесных земель, находившихся с третьей стороны, когда проезжали здесь, всегда кляли последними словами отсутствие прямого пути: близок локоток, да не укусишь. Ныне дорог не строили. Усеянная скалами и непредсказуемыми трещинами пустыня, безводная степь, отравленное озеро, мрачный заброшенный Город... Путь часто оказывался смертелен для пешего, а для каравана становился вовсе непроходим.

Нора все поняла. Конидор с Костом бежали из племени и заблудились. Был бы какой-нибудь ориентир – солнце, луна или звезды... Изначально ночь обещала быть ясной, но ближе к полуночи небо заволочило непроницаемым потолком облаков. Направления исчезли. Скоро наступит утро, а беглецы еще не вышли из своих земель. Если пересекутся с дозорными, долг увеличится многократно. Король найдет способ получить свое – обычно он забирал близкого человека и делал ему больно до тех пор, пока строптивый не одумывался и не начинал вкалывать за четверых. Случалось, что Нора слышала вопли, плач и мольбы несчастных.

Король с легкостью давал в долг. За это его боготворили, для большинства он становился последней надеждой. А когда правителю что-то требовалось, должники шли на любые преступления всего лишь за намек на уменьшение суммы.

Большинство знало о последствиях, понимало опасность... но когда что-то случалось (а оно случалось обязательно) все равно шли на поклон к королю. У них не было выбора. Вернее, владыка создал систему, в которой выбор у людей отсутствовал.

Из-за подростковой горячности Кост в бедах семьи обвинил короля Джава – вслух, при свидетелях. Слова, которые не следовало говорить, были произнесены, и теперь люди сторонились Конидора с сыном.

Дело в том, что в племени периодически пропадали люди. Следов не оставалось: никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Никогда. Исчезали только неугодные королю, прямо выступавшие против него или что-то сказавшие – вот такие, вроде Коста. Ответственные за поиски гвардейцы ничего не находили. Поскольку судьба гвардейцев и благосостояние их семей целиком зависели от короля, происходящее наводило народ на определенные мысли. А король объявлял случившееся мистикой и колдовством. Не от хорошей жизни появилось прозвище «король-колдун». Называли так только за глаза – никому не хотелось, чтобы их тоже коснулось «колдовство» правителя.

Усилия Конидора и Коста пропали зря – им не дойти живыми до следующего источника воды, запас они растратили еще в своих землях, а направление потеряли. Нора сначала отпрянула, но когда все поняла... шагнула вперед.

Сгорбившиеся плечи беглецов чуть расправились.

– Кинь мне бутылку, – с пригорка сказала она Косту.

Тот послушно исполнил. Пластик со стуком проскакал по камням.

– Пустая, – сказал мальчик.

– Именно поэтому. – Нора наполнила бутылку из своей и бросила обратно. – За холмом справа овраг, как спуститесь в него, идите налево. Он несколько раз изгибается, придется много петлять между камнями и трещин, но в конце вы попадете к трем сопкам. Там увидите отравленное озеро, обойдите его по краю, за ним будет Город. В нескольких часах от Города уже Лесные земли. Там найдете родник. Здесь, в овраге, есть пещеры, где можно пересидеть дневную жару. В их глубине на камнях выступает влага, можно лизать, чтобы не тратить воду – она пригодится при следующем переходе. Лучше идти ночью, дозорные ищут тех, кто может прийти из оврага, а дальше в сторону Города они редко ходят. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Последние слова она говорила уже скрывшись в ночи.

На обратном пути вновь случилось непредвиденное. Очень похожее. Ей опять повезло первой увидеть две фигуры, суетливо делавшие что-то в скалах. Слышались шепот и возня.

Как всегда в таких случаях, наказания отца забылись, разыграло любопытство. Нора пошла на риск. Чужие тайны всегда интересны. Оказавшись на скале, под которой что-то происходило, она осторожно выглянула. Хотела только послушать, но в эту минуту облака превратились в полупрозрачную дымку, сквозь которую луна посеребрила проявившийся мир.

Внизу увлеченно возились в земле старые знакомые. Ситуация перевернулась: теперь Нора подглядывала за Борасом и Леком, столько раз пытавшимися застать ее врасплох наглым здоровяком и тщедушным скромнягой. Борас был старше нее на два года, Лек – всего на год, а выглядел ровесником: тихий, чуть сутулый, вечно прячущий взгляд. Когда Нора смотрела в трещины контейнера, Лека она просто не замечала, настолько он был никакой. Вот Бораса не заметить нельзя: большой, крепкий, пухлощекий, с глазами навывкате и взглядом, от которого бежали мурашки. Он лихо откидывал светлые вихры, в то время как Лек скрывал свои часто моргавшие глаза под блеклой челкой.

Мальчишки что-то прятали в камнях.

– Давай, – командовал Борас. – Теперь заваливай. И следы надо затереть, чтобы никто не заметил. А кто увидит – чтобы не понял.

Он резко обернулся – будто почувствовал, что за ним наблюдают.

Нора вжалась в скалу. Щека прильнула к холодному шершавому камню, сердце забилося в горле. Неужели заметят?!

Не заметили.

Она запомнила место, и когда мальчишки ушли, едва не бросилась к тайнику. Чувство времени заставило торопливо повернуть к дому, иначе до рассвета не успеть.

Два дня Нора не находила себе места в душном контейнере – в тот день вернулся папа, и следующую ночь Нора провела дома. Зато она расспросила про мальчиков. Борас оказался младшим сыном Ферзя, папиного начальника. Старший брат Бораса давно жил отдельно, женатый, между прочим, на дочери самого короля. Из щелей контейнера как-то раз Нора видела ее в сопровождении мужа и нескольких гвардейцев. Будь Нора женщиной, никогда бы не взглянула на такую уродину. У мужчин, видимо, извращенный вкус. Или дело в другом? Неужели родство с королем выше удовольствия быть рядом с человеком, который нравится? На недостаток богатства мог жаловаться кто угодно, только не Ферзь. То есть, дело не в деньгах. Старшему сыну – своему наследнику – он мог выбрать лучшую из лучших: самую красивую, самую умную, самую трудолюбивую, самую нежную и обаятельную. И что же? Лучшей оказалась одутловатая кривоножка с редкими волосами и вечно недовольной гримасой на прыщавом лице. Но она дочь короля, и выбор, надо думать, делали не Ферзь и его сын. И, разумеется, не девушка.

Сама Нора мечтала о муже, который полюбит ее так же, как папа любил маму. Мужа, само собой, выберет отец. И выбор будет наилучшим – другого быть не может.

Правильнее сказать так: выбор будет лучшим из возможного. «Нужно быть реалистом», – часто повторял папа, когда разговор заходил о жизни.

«Борас был бы чудесным вариантом, – в ответ на проявленный интерес вздохнул он. Вопрос о мальчиках не прошел мимо его сознания, и были сделаны некие выводы. – Но это не наш уровень. Нужно быть реалистом. – Папины пальцы бездумно забарабанили по лавке. – Лек тебе тоже не пара – ни гроша за душой, только долги и скорые проблемы. Если к его проблемам добавить наши...» Он даже не договорил, только обреченно махнул рукой.

Папа хорошо знал семью Лека. Леон тоже служил постовым, его жена не так давно умерла, а до этого он потерял дочь – сестру-близнеца Лека, то ли заболевшую, то ли родившуюся с каким-то дефектом. С тех пор в семье исчезла надежда на будущее, отец и сын жили исключительно настоящим.

Итого: богач и бедняк, толстый и тонкий, живчик и размазня. Что могли прятать два столь непохожих мальчишки? Непонятно даже, что свело и держало их вместе. Какие у них тайны?

Они кого-то убили! В тайнике – труп!

Вряд ли. Тело проще скинуть в отхожий овраг, там и запах соответствующий, и никто не сунется посмотреть, что гниет внизу.

Или мальчишки втайне снабжают кого-то. Беглого, например. Или пришлого. В первом случае это грозило им неприятностями, о пределе которых страшно подумать, во втором приравнивалось к измене и привело бы к показательной казни обеих семей – настолько кроваво и жестоко, чтоб от одной мысли о чем-то похожем желудок выворачивало, а сердце сжималось в комочек и останавливалось.

Наиболее здравой казалась мысль, что Борас и Лек связались с контрабандистами и торгуют с ними. Это объяснило бы все. Правда, король боролся с контрабандой, и последних пойманных повесили на видном месте. Но это было давно. С тех пор о нелегальных торговцах не слышали. Теперь, если хочешь покупать-продавать, иди как честный человек по Дороге, плати пошлины, и тебе будут рады.

Представляется всегда самое интересное, а правда оказывается скучной. Нора улыбнулась. Скорее всего, если спрятанное будет еще на месте, она найдет обычные мальчишечьи тайны: игрушки или деревянное оружие, с которым более мелкие носятся по поселку, а старшим, как видно, лучше спрятать и играть, когда никто не видит. В общем, Нора едва дождалась и следующей ночью отыскала тайник.

Клад лежал на месте. В закопанном свертке оказался странный набор вещей. Первым бросилось в глаза оружие, отнюдь не игрушечное: лук с завернутой в пакет тетивой, пять стрел, десяток наконечников, красивый длинный кинжал и нож для продуктов. Кроме оружия, здесь была одежда из плотной ткани, под ней нашлись деньги и какая-то книжка. Картинки в книге интереса не возбудили, ни одного рисунка с людьми или хотя бы с животными. Так Нора сама бы нарисовала.

Она еще раз оглядела сокровища мальчишек. Нашли или украли? Неважно. Что-то взять – даже деньги, как бы ни нуждалась в них семья – Нора не посмела, все сложила на место и скрыла камнями, чтобы не заметили. Поверх заметенных за собой следов она насыпала песка, змейкой по камням: его как бы нанесло ветром. Чтобы в следующий раз, если следов песка не будет, узнать, приходил ли кто-нибудь.

Никто не приходил. Нора продолжала гулять по ночам, забираясь все дальше и дальше: окружающий мир был бесконечен и разнообразен. Степь, выжженная земля, каменная пустыня, Город...

Обычно поход начинался с каменных песков за отхожим оврагом – от глубокого разлома несло так, что гвардейцы и дозорные близко не подходили. Они предпочитали издалека наблюдать за уходящей вдаль трещиной, поскольку внизу она была непроходима – за гниющими горами отходов сразу начиналось усеянное острыми зубьями дно. Спуститься (лучше сказать – скатиться) и с огромным трудом подняться позволяли несколько песчаных склонов, в остальном овраг был непроходим, а большей частью просто опасен. Другой столь же благопри-

ятной возможности улизнуть и вернуться не существовало: в степи дозорные могли появиться неожиданно, а натоптанную тысячами ног Дорогу, уходившую в одну сторону к азарам и в другую к людоедам, Нора вообще старалась не пересекать: на ней постовые бдительно глядели во все стороны.

Осторожность приносила плоды: в очередной вылазке Нора вновь заметила человека прежде, чем он среагировал на звук движения. А человек среагировал. Нора уже скрылась в расщелине, из которой можно сбежать в другую сторону от неизвестного, когда раздался его голос:

– Кто здесь? Я свой! Прох, фермер! У меня коза потерлась!

Назвать Проха фермером можно было с большой натяжкой. Участок в степи, который его семья взяла в аренду у короля, позволял с трудом выживать, а фермерами звали тех, кто продавал излишки. Как правило, это были богатые люди.

Ответная тишина насторожила Проха.

– У меня ничего нет!

Думает, что это шатуны. Несмотря на то, что взять нечего, для шатуна из людоедов он тоже подарок. Видимо, Прох подумал о том же.

– Уходите, и я никому не скажу, что здесь кто-то был!

Озабоченность, сквозившую в голосе, сменил откровенный страх. Нора понимала Проха. Один в ночи против неизвестного противника – ничего не может быть хуже. Враг наверняка вооружен. Даже если это не так, то готов на все, чтобы выжить. Оставлять свидетеля – все равно, что объявить о своем присутствии рядом с постом: поднимется тревога, и сначала солдаты, а затем все племя ринется на поиски чужаков.

Громко топая, Нора удалилась по трещине в абсолютную темноту. Ближайшее время Прох не будет звать на помощь, он сам сейчас дрожит и не верит в чудо спасения. Но когда вернется в поселок, обо всем расскажет – так поступит любой, кого волнует судьба племени.

Начнется паника – особенно после того, что ни постовые, ни гвардейцы никого не найдут. А они будут искать со всем пылом. Такими вещами не шутят, и Проху поверят безоговорочно. Что произойдет дальше?

Дальше – из-за чрезвычайности ситуации король может разово отменить закон о неприступности жилья. Пока не найдут постороннего. Разумеется, его не найдут, и проверки продолжатся, они коснутся каждого и будут особенно методичны и придирчивы. Что же она надедала...

В овраге что-то белело. Нора пригляделась. Быстро спустилась.

Та самая коза, которую искал Прох. Упала с обрыва на камни. Еще жива, но еле дергается и даже бляеть не может.

У Проха, насколько слышала Нора, пятеро детей, а эта коза – единственное животное на ферме, последний источник существования. Мечты стать настоящим фермером разбились о реальность, к тому времени, когда дети подрастут и смогут помогать, он уже разорится. Если козу удастся спасти, это хоть какой-то шанс...

Надо ему сказать. И признаться, что в ночи была она – тогда хотя бы тревогу поднимать не будут.

Хорошо бы как-то сказать ему из темноты и сбежать. Но кто поверит голосу, который зовет куда-то напуганного человека? Придется назваться. А если не назваться, то ее все равно узнают по рюкзаку.

Что будет, когда о ночных похождениях станет известно? Пойдут невообразимые слухи. Папа заколотит люк. Жизнь снова превратится в ад.

И все же Нора вернулась на то место, где безуспешно рыскал Прох. Возвращаться без козы ему бессмысленно, он продолжал поиски. Только он все дальше и дальше уходил от оврага.

– Прох! – позвала она с пригорка, встав на нем размытой тенью. – Недавно ты слышал звуки, это были не чужаки. Я услышала про козу и нашла ее. Она в овраге, дышит.

– Кто ты, девочка? – спросил Прох.

– Поторопись.

Нора видела из щели и знала поименно почти всех, а ее многие не знали, как, например, этот фермер. Но теперь узнают. Неважно. Дело сделано. Лучше потерять ночную свободу, чем жизнь.

– Спасибо! – донеслось вслед.

Глава 3

До окраин фермерских хозяйств, где бродил Прох, два часа пути. Заплутать в той части степи легко даже взрослым – никаких ориентиров, только одинаковые холмы вокруг. И это днем, что же говорить про ночь?! Оврагов, начиная с отхожего, в округе множество, но тот, где Нора якобы нашла упавшее животное, вообще в другой стороне. Описание соответствовало полностью: тоненькая длинноволосая девочка в юбке и рубашке с рюкзаком. Над Прохом лишь посмеялись. Нора смеялась вместе со всеми.

В один из дней, когда папа отдыхал дома, Прох принес в подарок молока.

– Нора! – позвал папа от приоткрытой двери. – К тебе гость. Говорит, что некая коза выжила, и он пришел отблагодарить спасительницу. Ты понимаешь, о чем речь?

Нора не стала выходить, лишь слегка показалась гостю из глубины контейнера:

– Я знаю, что это фермер Прох, но я с ним не знакома.

– Тема закрыта, – объявил папа и то же самое собрался сделать с дверью.

Разнесся металлический гул – фермер подставил ногу под закрывавшуюся стальную створку.

– Только один вопрос, – просительно произнес Прох. – Это была ты?

Папа обернулся, его выгоревшие на солнце брови приподнялись.

Нора отрицательно покачала головой.

– Нет, это не она, – объявил папа для Проха.

– Но я же видел своими глазами!

– Во сне я действительно гуляла по траве, видела козу на камнях и разговаривала с кем-то. Тот человек был похож на Проха. Но это было во сне, – сказала Нора. – И я рада, что коза выжила.

– Тогда примите этот дар. – Прох передал папе горшочек с молоком. – И можно попросить? Если еще раз приснится кто-то из моей семьи – обязательно сообщите про обстоятельства, мы в долгу не останемся.

Последующий разговор с папой вышел тяжелым.

– Я все правильно понял?

Нора опустила голову.

– Даю слово, такого больше не повторится.

На том и сошлись. Папа поверил.

А зря. Как удержаться, когда стоит только приподнять деревянную крышку на потолке...

Так в работе по дому, мечтах и периодических ночных вылазках прошло несколько лет. Ничего не изменилось: папа отсутствовал большую часть времени, ему продолжали поступать предложения в отношении Норы, а он по-прежнему не обещал ничего конкретного. Хотя некоторых девчонок в этом возрасте уже отдавали мужьям. Чужие правила папу не волновали, он следовал своим. «Рано», – говорил он, и желающие становились в очередь либо отпадали, узнав, что посватался кто-то более богатый и могущественный.

Мальчишки, что время от времени маячили у стен контейнера, превратились в подростков: Борас возмужал, а Лек стал еще более незаметным. Хотя, казалось бы, куда уж дальше? Он просто вытянулся, а взгляд все также прятался от людей, сутулость пыталась сделать то же со всем телом, а тихий голос, вечно сомневающийся и как бы боявшийся, что его услышат, этому способствовал. Человек-невидимка, вторые руки старшего товарища, предназначенные для грязной работы. А Борас раскрупнел вширь и ввысь, бывшая наглость, что так не нравилась Норе, в его круглых глазах сменилась серьезностью и взрослой жесткостью. Плечи раздались, пухлость переплавилась в мышцы, походка стала медленной и основательной. Загорелая

голова гордо взидала на окружающее с шеи, ничуть не уступавшей в объёме, вихры канули в прошлое, их сменил золотистый колючий ежик.

Время от времени Борас и Лек продолжали играть в разведчиков, но все их труды и придумки ни к чему не приводили – заставить Нору врасплох не удавалось. Для нее это тоже стало игрой. Они – хищники, что подкарауливали добычу, она – трепещущая жертва, которая знает, что за ней идет охота, и спасти ее могут только слух с верным глазом, а также реакция и смекалка. Землю вокруг контейнера Нора выложила сухими щепками – неслышно не подойти. Огонь в доме она зажигала только в исключительных случаях, следила за своими перемещениями и никогда не поворачивалась к свету спиной. О приближении «противника» сообщал шепот у соседнего контейнера:

– Лек, пошли!

Или:

– Никого, а ее папаша на посту. Сегодня точно получится.

И прочее в том же духе. Смешно, но они не догадывались, что их отлично слышно. А если мальчишки договаривались заранее и подходили молча – выдавал хруст под ногами.

Вражеская сторона оказалась не такой глупой, как Нора надеялась, и однажды в закатный час Лек быстро пробежался вокруг контейнера Норы с метлой, пока Борас стоял на стреме. Хорошо, что Нора не спала перед очередным ночным приключением. На этот раз Борасу и Леку удалось подобраться бесшумно, они даже по солнцу сориентировались, чтобы свет падал не с их стороны. И ветер учли – как настоящие разведчики. Но заблаговременная пробежка с метлой выдала намерения, и часы, пока полностью не стемнело, Нора провела в яме. Команда противника долго сопела у щелок, несколько раз бесшумно меняла расположение, но безуспешно. Поняв, что они разоблачены, Борас прошипел:

– Горбушка, мы все равно тебя увидим!

Лек увел его, пока шумом не заинтересовались посторонние. Нора успела услышать, как уходивший Борас объявил:

– Сделаем фонарь и вернемся позже.

Бабушка в разговорах как-то упоминала слово «фонарь», но значение относилось к утраченным вещам, и Нора не запомнила смысла. Неужели у Бораса есть что-то действующее из наследия предков?

Почему нет? В семье начальника стражи могло сохраниться многое. Или попасть к нему в результате недавних находок. Или он мог изъять у контрабандистов, или приобрести у купцов.

Нора не стала возвращать щепки на место, она сделала другое. Для этого понадобилась коробочка со старыми лекарствами мамы. Толку от них никакого, папа туда даже не заглядывал, а не выбрасывал лишь потому, что в хозяйстве, как известно, все пригодится. Пригодилось.

Среди ночи мальчишки снова пришли. В тусклом свете луны блеснули странные штуковины в их руках: подсвечник на пять рожков и похожий на тазик равномерно вогнутый поднос. Второй предмет, формой напоминавший отпиленный кусок огромного шара, показался жутко непрактичным: твердое с поверхности скатится, а жидкое выльется, если поставить на дно.

Нора едва успела спрятаться: в рожки подсвечника Лек вставил свечи, вспыхнули зажженные фитили, а вогнутой штукой огонь прикрыли от соседей. Внутренняя поверхность подноса оказалась покрыта зеркальными осколками. Отраженный поток света хлынул внутрь – мощный, как днем, но та яркость слепит и отвлекает, а сейчас освещение выхватывало именно внутренности дома, оставив окружающий мир темным и невидимым.

Пока Лек держал свечи и отражатель, Борас, ничуть не скрываясь, разглядывал в щель помещение.

– Вещи у входа, дрова, стол, очаг, – перечислял он приятелю, – какие-то ткацко-вязальные приспособления, две лавки-кровати, еще какие-то вещи, вдали все отгорожено занавеской... Спорим, она за занавеской!

Лек не стал спорить, он пробурчал:

– Если не спряталась в яму.

Интонация говорила, что он, в сущности, не против, чтобы Нора спряталась, а не оказалась за занавеской. Словно он был на ее стороне.

Она хихикала в кулак, глядя, как мальчишки бегут к противоположному концу контейнера, где занавесь отгораживала купальню и туалет.

В каждом доме существовала накрываемая стальным или деревянным настилом продуктовая яма, где и в разгар лета было прохладно, в ней же находился колодец. Нора с папой жили в районе одиночного жилья – так в свое время успели расставить контейнеры, пока работали могучие подъемники. Большинство же контейнеров стояли блоками по несколько в ряд, в длину и в высоту. Один такой блок полностью занимал король, несколько соседних назывались тан-хаосами – странное название, ведь хаотично разбросанными были как раз жилища одиночек. В тех многокомнатных домах жили приближенные короля и гвардейцы. Говорят, даже туалет занимал у них отдельное помещение, а ванн было несколько, и каждая разного вида: в одних вода текла сверху, как при дожде, в других ее подогревали в особых емкостях, в третьих помещение с помощью чудо-печи заполняли горячим паром. Странно и ненормально. Нора привыкла мыться холодной водой из таза, и разговоры о «душе» и «ванной» считала глупыми слухами.

За занавеской никого не обнаружилось, Борас чертыхнулся и подытожил:

– Она в яме. Лезем на крышу. Помоги.

– Бор... – Лек замялся. – У тебя все лицо черное. – Потом он посмотрелся в зеркальные осколки и добавил: – Почти как у меня.

Нора захохотала в полное горло. Это был ее звездный час. На самом деле места, которыми мальчишки прикладывались к щелям, окрасились в темно-зеленый цвет, но об этом станет известно позже, когда рассветет, и будет видно еще долго. Думая, что это ржавчина, Борас и Лек пытались оттереть пятна ладонями, и от этого вещество лучше впитывалось. Однажды, когда Нора исследовала каждую вещь в доме и думала, к чему ее приспособить, она опробовала мазь на себе. Следы держались почти неделю. Обмазывание щелей сработало намного результативнее, чем хрустящие щепки.

Борас взбесился:

– Горбушка чертова, думаешь, самая умная? погоди, еще поглядим...

Он что-то вытащил из-за пазухи, послышался шорох разворачиваемого пластика, и в щель что-то посыпалось.

Нагревшийся за день контейнер наполнился запахом нечистот. Нора выглянула из ямы: по полу расползались жуки-вонючки. Шевелились многочисленные ножки, некоторые пытались перевернуться, выгнутые панцири блестели на свету фонаря. Достаточно раздавить одного, и вонь не выветрится месяцами.

– Смотри – голова видна! – От избытка эмоций Лек едва не задохнулся. – Получилось! Она вылезит!

– И что делать будешь, Горбушка, а? – шипел Борас.

Нора не знала. Надо вылезти и поймать вонючек, пока не расползлись, но мальчишки с фонарем того и ждут. Ноги то напрягались, выталкивая вверх, то вновь расслаблялись, душу наполняла паника.

– Теперь у тебя с папашкой будет новое прозвище... – самодовольную болтовню Бораса прервал грохот чего-то тяжелого о металл, и резко стало темно.

– Ай-яй-яй!

– Вы почему не дома? – перекрыл вопли взрослый голос.

– Показалось, что ходит кто-то посторонний, мы решили посмотреть...

Бораса перебил другой взрослый голос:

– Нечего по ночам смотреть, для этого гвардия есть.

Мальчишек как ветром сдуло. Нора высунулась и бросила взгляд в щель: снаружи один гвардеец топтал брошенные свечи, второй оглядывался – «ходит кто-то посторонний» все же напрягло его.

– Эй, в доме, у тебя все в порядке? – Затушивший свечи знал, кто живет в контейнере, и, наверное, понял цель мальчишек. – Мы уходим. Если что-то нужно...

– Ничего. Спасибо.

Нора зажгла лучину и почти до рассвета отлавливала жуков в металлическую банку.

Следующие несколько дней «разведчики» проходили с зеленью на лице. В сторону дома «обидчицы» они не смотрели, их взгляды обтекали контейнер, а выражения лиц при этом сообщали, что однажды мальчишки поквитаются.

Пусть попробуют. Нора готова и ждет. Ситуация ей нравилась до мурашек по коже: жизнь на некоторое время обрела смысл. Маленькое противостояние заставляло все внутри так сладко сжиматься...

В один из до оскомины похожих друг на друга дней произошло событие, взбудоражившее весь поселок. Нора как всегда, ткала дома, когда к контейнеру приблизилась несметная процессия – человек тридцать, не меньше. Толпа включала в себя короля с охраной, нескольких незнакомцев в странной одежде и зевак, забывших, куда шли и зачем.

– Нора, – заговорил король, остановившись перед закрытой дверью. – К тебе посланцы из другого племени.

Впервые Нора увидела короля так близко. Рыхлый коротышка в кожаном доспехе, под которым виднелась кольчуга, не внушал никакого трепета. И что соплеменники в нем нашли, откуда такие раболепие и благоговение? Былые заслуги остались в прошлом, сейчас король казался обычным мужиком, замученным проблемами. Возможности для их решения у правителя имелись невероятные, но и проблемы, надо думать, не чета Нориным. Каску, в отличие от гвардейцев, владыка не носил, но ее прекрасно заменяла стальная корона – с налобником, наносником и витиеватой защитой на затылке.

– Папы нет, – громко произнесла Нора из дома.

Этим вопрос исчерпывался: женщина не имела права открыть дверь другому мужчине, а пришедшие не могли войти без разрешения. И просить о таком разрешении не могли – из-за вышеуказанного правила. Замкнутый круг. Но не для короля.

– Это неважно, – сказал он. – Я отец всего племени, в моем присутствии ты можешь открыть.

Прибывшие с владыкой незнакомцы терпеливо ждали. Трое мужчин, типичные купцы: в широких халатах из плотной ткани и светлых головных уборах, что при необходимости защищали лицо от пыли и зноя. Один из них держал объемистый прямоугольный сверток.

– Папы нет, – упрямо повторила Нора. – Позовите его, он откроет.

По лицу короля пробежала тень, но голос остался радушным, отеческим:

– Из Лесных земель прислали дары – той, что видит за горизонтом. Прозвище мне ничего не сказало. Тогда посланники дали описание, и сомнений не осталось. Девочка с рюкзаком. Другой такой у нас нет. Говорят, ты подобно ангелу из прежних суеверий явилась кому-то в последний миг жизни, и теперь эти спасшиеся решили отплатить добром за добро. – Король обратился к купцам: – Я правильно передал?

Те кивнули:

– Мы молим не оставлять нас в трудную минуту и, когда настанет страшный час, указать путь. Прими скромный дар спасенного слуги своего, от чьего имени мы пришли, и наши просьбы. Будь милосердна и справедлива, не чудес просим, а только указания, где спасение заблудших душ, не всегда способных отличить белое от черного. Яви милость, когда понадо-

бится. Лесные земли помнят тебя и молятся за тебя. Счастливой тебе вечности и вселенской щедрости в безмерной доброте твоей. Подари надежду страждущим, заблудшим и погибающим. Будь мудра и великодушна. Мы не забудем тебя.

К двери контейнера снаружи с поклоном положили принесенный сверток.

Как только посланцы Лесных земель вместе с королем удалились, один из гвардейцев вернулся и забрал сверток:

– Досмотр.

Прошло полдня, и ситуация повторилась. К Норе вновь пожаловала высокопоставленная делегация. Снова король и гвардейцы. Мгновенно рядом нарисовались зеваки, которых не отгоняли, как бывало, когда слова короля не предназначались для посторонних ушей. С Норой разговор велся громко, и из него не делали тайны.

– Нора, объясни, – донесся снаружи голос короля.

– Я не знаю этих людей. Я ни в чем не виновата.

– Почему они пришли именно к тебе? Про девочку, которая не расстается с памятью о маме, в соседнем племени могли слышать, но это не причина для дорогостоящего дара. Каким образом ты помогла чужакам?

Еще обвинения в измене не хватало. У Норы перехватило дыхание.

– Это все сны! – выпалила она. – Во сне мне иногда видятся люди, а потом они говорят, что тоже видели меня! Но я ничего не делала!

– Твой отец сказал так же. – Король задумчиво пожевал нижнюю губу.

Вот как. К папе посылали людей и допросили. Хорошо, что он не стал ни отказываться, ни придумывать что-то другое. Если слухи ходят, и они не опасны, то лучше их поддержать.

– И часто видишь такие сны? – спросил король.

– Редко. Какие вижу, могу помнить или не помнить. Те, что помню, иногда подтверждаются. Но только иногда! Например, я часто вижу маму, но все знают, что она давно умерла.

– Мама в твоём сне ходит?

Почему такой вопрос? Как лучше ответить? Почти год перед смертью мама не вставала с постели – окончательно отнялись ноги. Но в мечтах Норы, когда она грустила о маме, та всегда была молода и красива. Наверное, нужно сказать, как в мечтах, чтобы не путаться.

– Ходит, – сказала Нора.

– Она молодая или старая? – продолжал допытываться король. – Такая, как ты ее помнишь, или старше?

– Намного моложе. Очень красивая.

Король усмехнулся.

– Если снова увидишь такие сны, – завершил он разговор, – сообщай мне. Не нужно плодить сплетни и давать пищу фантазерам, которые все перевернут и наизнанку вывернут. Что бы ни увидела – сразу извещай. Окликни любого, кто проходит мимо, и пусть зовут меня, где бы ни был.

У дверей после ухода владыки и свиты остался лежать порядком помятый сверток иноплеменных посланников. Подарком оказалась коробка невиданных сладостей. Крупные орехи покрывал засахаренный золотистый мед. Более чем наполовину коробка оказалась пуста – видимо, результат королевского досмотра. Взяв из нее для немножко для себя и папы, оставшееся Нора выставила утром перед домом для угощения всех желающих.

Как и в случае с Прохом все приметы в отношении нее сходились, но мало ли что пригрезится кому-то на другом конце света. Довольные жители больше вспоминали лакомство, чем повод, вызвавший его появление. Впрочем, про него тоже не забывали. Такое не забудешь. Пошли слухи, что Нора – ведунья. Пару раз у нее спрашивали советов, как поступить в той или иной ситуации, но она ничем не помогла. Больше ее не беспокоили.

Нора возобновила ночные вылазки. Иногда просто путешествовала, иногда следила за кравшимися во тьме знакомыми фигурами – Борас и Лек продолжали ходить к известному ей тайнику. Еще дважды их почти невидимые размытые силуэты пробирались через ночь к камням, под которыми прятался клад, и каждый раз там что-то добавлялось: сначала новая книга, затем металлическая фляга и пакет с упакованными в полиэтилен сухарями. Нора дожидалась ухода мальчишек и играла с их вещами, придумывала истории, в которых эти вещи могли ей пригодиться. Что-что, а мечтать она умела лучше многих. Сказывались годы тренировки.

Третий ночной поход Бораса и Лека, выглядевших уже не мальчишками, а здоровыми парнями, вышел не таким, как задумывалось. Нора в полудреме лежала на лавке, когда у соседского контейнера раздалось громкое шипение:

– Лек! Дрыхнешь? Пошли!

Скорый скрип двери известил, что Лек отправился с Борасом. Папа дежурил, и Нора столь же легко последовала за приятелями. Даже обогнала немного, пока они перебирались через острые зубья, в темноте с трудом проходимые даже для тех, кто знал, где пролезть.

Она привычно сделала небольшой крюк и залегла на скале, с которой в свете луны хорошо просматривался район тайных делишек Лека и Бораса. Этот выступ она нарекла «Крышей мира». Подходящее название для участка плато, которое просматривалось как на ладони. За спиной возвышались более мелкие скалы, а далеко за ними располагался один из постов – дальше на много дней пути только безжизненная степь, за которой в столь же безводных землях обитало племя людоедов.

Лек раскидывал камни, Борас вынул что-то из-за пазухи и приготовился добавить в коллекцию. Нора улыбнулась. До рассвета далеко, можно сегодня же посмотреть, что они притащили на этот раз. Когда уйдут, она немного проследит, чтобы точно не вернулись, и...

По ноге поползла букашка, от щекотки Нора бездумно дернула ногой, и вниз полетело несколько камушков.

– Там кто-то есть, – послышалось снизу, из-под скалы.

Голос был тихий, несомненно мужской.

– Глупости. Когда подходили, я осмотрелся. Здесь только пацаны, но им нас не видно и не слышно, – глухо ответил второй.

Доигралась. Душа ушла в пятки. Замечталась и не поглядела, что делается вокруг.

– Фермерства далеко, а нам сегодня еще возвращаться через эти же земли, – продолжал второй голос, который сомневался. – Время дорого. И от погони никто не застрахован.

Донесся еще один голос, третий, не походивший на два других:

– Тебе не интересно, что прячут мальцы? Представь себя в их возрасте. Помню, как стащил у отца пистолет, когда еще были патроны...

– Меня больше волнует, кто или что возится сверху, – перебил заговоривший первым. – Подтолкните.

Нора осторожно заглянула вниз. К ней карабкался крепкий мужчина в темной одежде, заросший и бородатый. Еще двое внизу вскинули луки, Нора едва успела отпрянуть. Высунется – получит две стрелы. Останется на месте – через миг ее схватят.

– Я же говорил! – радостно прошептал тот, что лез. – Там девчонка. Сейчас я ее...

Нора развернулась и на этот раз нарочно обсыпала того, который к ней лез, мелкими камнями – крупных, увы, не оказалось.

Тот лишь чертыхнулся – пыль попала в глаза – и полез дальше.

Эх, сейчас бы нож или камень поострей и поувесистей... Один удар по пальцам...

Нора со всей силы врезала пяткой по цеплявшейся за выступ руке.

Человек непроизвольно выругался. Одернутый прошипевшими на него соратниками, он попытался схватить Нору за ступню, но сделать это рукой, которая теперь плохо повиновалась, не получилось. Для успеха ему оставалось только переместить одну ногу чуть выше, и тогда...

Мальчишки у тайника обернулись, что-то различили и стремглав помчались в поселок.
– Нас засекли, уходим! – донеслось снизу.

– Сейчас-сейчас, – добыча была близка, и лезший к Норе вошел в раж, – я только...

Рядом с ним в скалу ударила стрела. Еще бы полметра влево, и скорая проблема Норы полетела вниз с дырой под лопаткой.

Троица чужаков обернулась одновременно. С другой стороны их держали на прицеле двое дозорных, но темнота и расстояние не позволяли стрелять наверняка. Поэтому первая стрела прошла мимо. Обычно дозорные не промахивались. Которые промахивались – долго не жили.

Тот, что лез, спрыгнул и тоже схватился за лук. Про Нору временно забыли. Она метнулась за скалу и пустилась наутек.

Куда?! В поселок? Далеко. Нужно сообщить на пост или другим дозорным. Двое против троих – плохой расклад. Если не подоспелет помощь, двоих дозорных, скорее всего, убьют. И кто знает, вдруг троица неизвестных – только часть банды? Но даже трое вооруженных чужаков – угроза племени. И среди тех двух постовых мог оказаться папа – в ночи Нора видела только похожие друг на друга фигуры в касках и доспехах.

Она помчалась к посту.

Надо рассказать о случившемся и сразу сбежать. Потом пусть говорят, что хотят. Одним слухом больше, одним меньше... Она будет все отрицать: постовым, дескать, снова привиделось. А ей приснится сон, о котором можно доложить королю.

Из укрытия, вырытого на вершине холма, на звук обернулся солдат и ошалело глянул на Нору. Папа! Задыхаясь, она выпалила:

– Нападение на дозорных! Три человека шли к фермерам на запад, их заметили двое наших. Срочно нужна помощь...

Папа прижал палец к губам и указал вниз: там, в глубине обнесенного камнями убежища, спал второй постовой. Голос Норы его разбудил.

– Нодж, кто это говорит? – донеслось из глубины укрытия.

Папа загородил собой Нору, его рука за спиной сделала знак скрыться с глаз.

– Говорит? Разве? Хотя... Кажется, какой-то голос действительно что-то сказал, но я думал, что послышалось...

– Это голос твоей дочери-провидицы! Она сказала – нападение на дозорных! Разводи сигнальный костер, а я бегу на помощь...

Больше Нора ничего не слышала, она уже неслась домой наперегонки с ветром.

Троица разбойников оказалась обычными шатунами, они пробирались вне дорог из одного племени в другое. Двоих убили на месте, из последнего успели вытрясти, что он уже ходил через эти места в прошлом, поэтому знал, куда вести новых приятелей за едой. Вместе с этими знаниями его разрубили на кусочки. А про Нору поползли новые слухи. Они дошли до короля, и ее удостоили нового визита.

Папа еще не вернулся, вести Нору на высочайшую аудиенцию было некому, поэтому король опять прибыл сам.

– Нора, ты видела сон про нападение?

– Только под утро, – ответила она через закрытую дверь. – Как раз когда все случилось. Проснулась от ударов по рельсе и поняла, что сон был вещий.

– Давай договоримся: ты должна сообщать о своих снах, даже если они уже сбылись. Мне нужно знать подробности: что ты видела, как это было, все ли совпало. Расскажи сегодняшний сон в деталях.

Норе пришлось лгать. В поведенной королю истории не было ни Бораса и Лека, ни скалы, на которой она пряталась. Только чужаки, которые перестреливались с дозорными, и как ей хотелось сообщить об этом папе.

– Только хотелось или все же сообщила?

– Не помню. Я как бы кричала, но услышал ли он, точно сказать не могу. Это же сон.

Король немного подумал.

– А пойманный утверждал, – произнес он, наконец, – что видел девчонку с рюкзаком. Один из шатунов, мол, даже полез за тобой. Что скажешь на это?

– А я снова видела маму. Если мама придет и обнимет меня, я поверю и в то, что меня тоже можно увидеть, когда я сплю.

Взяв с нее слово, что теперь она будет докладывать вообще обо всем, включая маму, король отбыл.

Вернувшийся папа в очередной раз выговорил ей за неблагодарность. Затем вздохнул и похвалил.

– Может, это и к лучшему, – сказал он, глядя ее по голове.

Слава Норы как ясновидящей росла не по дням, а по часам. Одни называли ее провидицей и славили, другие приходили за советом и говорили «ведунья». Третьи побаивались. Но слово «колдунья» не прозвучало ни разу – пока только король в народной молве оставался колдуном. В отличие от приписываемого ему, связанное с Норой никому горя не приносило.

Теперь она выбиралась из дома гораздо спокойнее. Вместе с папой они продумали каждую мелочь, чтобы то, что произошло на скале, не повторилось. Петли люка папа смазал, а внутри провел к нему поручни. Сандалии из старых шин, в которых ходило большинство мальчишек и девчонок, на ночь уступали место специально сшитым кожаными мокасином, волосы скрывала стянутая на затылке бандана, а вышитую девчоночью рубашку с тесемками сменила папина из жесткой темной ткани, на пуговицах и с нагрудными карманами. Чтобы не сверкать голыми коленками, теперь Нора путешествовала не в юбке, а в переделанных под ее размер папиных камуфляжных штанах. Место в карманах заняли бинты, обеззараживающая мазь, игла с ниткой для одежды и крупных ран, огниво, зола, которой следовало намазывать лицо – у Норы, как у всех белокожих женщин и девочек племени, оно было незагорелым и оставалось единственным светлым пятном в ночи. На пояском ремне сзади расположилась затянутая в тканевый кожух бутылка с водой, слева висел длинный нож в кожаных ножнах, а на перетяжке под коленом справа еще один – маленький, но достаточный, чтобы помочь в отчаянной ситуации.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – сказал папа, когда увидел Нору в новой экипировке.

Рано выданные замуж ровесницы рожали уже вторых и даже третьих детей, а папа все не решался дать согласие. Нора тоже не торопилась. Если бы ее мнение кого-то интересовало, она сказала бы, что Борас – очень неплохой парень...

Ее не спрашивали. И хорошо, потому что у короля была еще дочка, и если Ферзь намерен родниться с властью и дальше, то судьба Бораса предрешена. Его тоже не спросят.

Этой ночью Нора исследовала подходы к Городу. Они с папой договорились: если появится что-то подозрительное, она разыщет его на посту и даст знать, а он уже решит, что делать. Вместо подозрительного обнаружилось душераздирающее: недалеко от отравленного озера изможденная семья хоронила ребенка.

Навернулись слезы, в горле запершило.

Что-то было не так. Взрослые живы, а умер младенец. Так не бывает, не могли они начать с самого маленького, первыми должны напиться старшие. Почему же?..

Люди явно были семьей: мать и дети разного возраста. Высокий парень руками выкапывал ямку, куда положить тельце, рядом на земле сидели привалившиеся друг к дружке три девочки. Измученная мать, у которой давно кончились слезы, обнимала их. Все – изможденные, едва двигавшиеся. Беглецы от чего-то или от кого-то. Если идут от Лесных земель, то озеро пересекли и знают о его страшной для посторонних тайне. Если же от азаров, то не дошли совсем немного. И когда дойдут...

Никакие глупые рисунки, что не видны в темноте, не уберегут умирающих от жажды детей от вида сверкающей воды. Вдоль берега установлено несколько щитов с надписями и говорящими за себя перечеркнутыми пьющими человечками. Это не помогало. Ныне мало кто умел читать, а рисунки попадались на глаза не всем. Или люди не верили. Человеческие кости – маленькие вперемишку с большими – частенько попадались здесь на глаза. Шатуны не понимали, что это намек. Возможно, для племени будет лучше, чтобы нарушившие границу чужаки умирали, но сколько людей могло спастись и усилить с таким трудом выживавший народ! Особенно семья вроде этой, где женщин большинство.

На берегу высились руины пригорода, почти занесенные песками: рассыпавшиеся строения, груды бетона, отдельные куски стен. Нора выбрала одну из развалин – три стены с оконными проемами на все стороны. С четвертой стороны земля разверзлась, в образовавшейся траншее виднелись остатки труб. В случае опасности эта траншея выглядела идеальным путем отхода. Свет луны давал тени и создавал внутри стен непроглядную темень, поэтому Нора не боялась, что ее обнаружат.

Парень вдруг обернулся. Его лицо глядело прямо в проем строения, в котором она пряталась.

Нора отпрянула еще глубже – подкрытие стены. Распласталась по шершавой поверхности, полностью слилась с ней. Ее не видно. Не видно!

Ощущения говорили обратное. То, чего быть не могло. Парень подхватил походную палку, что вполне подходила на роль оружия, и направился к развалинам – не сводя глаз со схватившейся за нож Нору, трящейся от непредставимости ситуации.

Бежать? Да. В траншею. С места. Прыжок вниз и бегом. Затем выскочить за соседней кучей плит...

Сделав несколько шагов, парень остановился. Теперь он водил головой, будто слепой. Когда шагал, его ноги ощупывали место, куда наступить, так же, как у любого человека в ночи. Почему же только что казалось, что его лицо смотрело прямо на Нору?!

– Не бойся, – сказал он, хотя это ему следовало бояться. Не она, а он с семьей находился на чужой территории. Любой мог убить пришельцев, идущих в обход Дороги.

Женщина испуганно замерла. Девочки, которых она обхватила, будто могла этим спасти, бессмысленно таранились вдаль, но луна сегодня помогала Норе. Нора видела, ее не видели. И плевать, что недавно показалось другое.

– Кто вы? – спросила она из черноты ночной тени.

– Люди. Беглецы. Идем от азаров. Мой младший брат не пережил пути. Мы умираем от жажды. Ты одна, но ты тоже прячешься. У тебя есть вода. Мы можем помочь друг другу. Мы не причиним тебе вреда. Выйди.

– Откуда ты знаешь, что у меня есть вода? И я могу быть не одна. Слышал такое слово: наживка?

Про наживку рассказывала бабушка. Бабушка много чего рассказывала. Жаль, что истории из реальной жизни, которые маленькая Нора воспринимала как сказки, ушли вместе с бабушкой. Многого могло пригодиться. Но кто же в детстве всерьез слушает бабушек?

– Иногда в ночи я вижу лучше других, – сказал парень. Палку он опустил и теперь держал не как дубину, которую можно применить, а как трость. – Не знаю, каким образом это получается, но точно видел, что ты одна, и на поясе у тебя полная емкость. Пустая при движении болталась бы по-другому.

– А если я сейчас тебя застрелю? Не боишься?

– Будь у тебя огнестрельное оружие, ты не пряталась бы от других беглецов, а лука у тебя нет. Или он где-то лежит. Чтобы взять его, наложить стрелу и натянуть, нужно мгновение, но ты им не воспользовалась. Скорее всего, у тебя нет лука. Я мог бы купить у тебя воду, но у нас

ничего нет. Могу обещать лишь посильную помощь во всем, что тебе требуется. Если сестер не напоить, они тоже умрут.

И не только они. Сам парень едва стоял на ногах. Одежда за время перехода превратилась в лохмотья, обуви не было. Девочки выглядели чуть лучше. Видимо, парень и мать, как могли, оберегали их. Но младшего не спасли. Уже сегодня может настать черед следующей жертвы.

– У вас есть пустая бутылка? Принеси.

Движения парня были осторожны, будто он внезапно ослеп. Мать подала ему емкость, и он медленно двинулся обратно к Норе.

– Брось ее мне.

– Где ты?

– Там же, где была.

– Я тебя не вижу. То свойство, о котором говорил, временное и неожиданное. Сейчас я будто ослеп.

Именно так он и выглядел.

– Ты же слышишь голос.

– Одно ухо мне отбили, и теперь я не определяю местоположение по звуку. Махни рукой.

Нора не успела поднять руку, как парень сориентировался, брошенная им бутылка влетела в проем и с гроыханием покатила по полу.

Пока переливала, Нора рассказала:

– Дальше не ходите, там озеро, но вода в нем ядовита. Кости вокруг лежат не просто так. Девочки могут не удержаться. Идти обратно вам тоже нет смысла, кроме как в племя азаров не попадете, а туда, как понимаю, вам больше не надо. Можно узнать, что случилось, почему вы бежали?

– Отец проигрался. Его забрали и в счет долга хотели забрать нас. Я едва успел спасти остальных.

– Куда же вы шли?

– Не куда, а откуда. Мы не знали, что с нами случится, когда сбежим, и ни на что не надеялись. Любая судьба лучше той, что ожидала нас дома.

– Без воды и знания, где ее найти, до Лесных земель вы не доберетесь, к людоедам тоже вряд ли захотите. Оставайтесь у нас. Здесь вас примут, если история, которую ты рассказал, окажется правдой. Тебе найдут работу, мать и сестры выйдут замуж – сейчас у нас избыток женихов. Вашей семье будут рады.

– Значит, ты местная? Почему же скрываешься? Мы можем чем-то помочь?

Хорошие люди. Умирают, а заботятся о других.

– Ты разговариваешь с призраком. Человеку свойственно бояться призраков, поэтому я прячусь.

– Ты очень интересный призрак. Необычный – если верить сказкам о призраках. И добрый. Спасибо, призрак.

– Будьте здесь. За вами придут. Если на вас наткнутся дозорные, скажите, что видели призрака с рюкзаком, и он посоветовал вам оставаться на месте.

Нора помчалась в поселок. Она знала, что делать, но чем ближе становилась россыпь одиночных контейнеров вокруг жилищ богатых, которые, в свою очередь, окружали охраняемый гвардией блок владыки, тем больше путались мысли. Король сказал: «Сообщай сразу, как увидишь. Окликни любого, кто проходит мимо, и пусть зовут меня, где бы ни был». Как раз такой случай. Но кого позвать среди ночи? Гвардейца-охранника? Ей – девочке, которой нельзя выходить из дома без сопровождения мужчины-родственника?

Выход она видела только один.

– Лек! – тихо позвала она, прокравшись до стенки знакомого контейнера.

Выходные папы и дяди Леона обычно совпадали, и Нора не боялась разбудить не того.

Сейчас Лек должен спать после занятий в отряде. В племени так устроено, что мальчишки начинали помогать взрослым лет с шести, к десяти дневные работы для них становились обязанностью, а с двенадцати и до совершеннолетия все возрастающую часть времени они тратили на общественный труд вроде уборки территории, курьерской беготни или дежурства на постах вместе солдатами. Отдав долг обществу, они работали с отцами – посильно помогали в той же области, постепенно овладевая знаниями и умениями родительских профессий.

Для мальчишек, чьи отцы были солдатами, существовал отряд – вроде настоящего военного подразделения, но из мальчишек. Занятия вели увечные солдаты, которые не могли продолжать полноценную службу. После дня в отряде, его участники обычно едва доползали до дома и падали без сил.

Нора не хотела повышать голос, но если никто не откликнется, придется и стучать, и скрестись, и даже, возможно, взлезть на крышу, чтобы разбудить бросая камушки через дырки для воздуха. Главное – не привлечь внимания еще кого-нибудь.

– Лек! – сделала она еще одну попытку.

И сердце едва не взорвалось от радости.

– Кто там? – послышалось в ответ.

– Нора. Горбушка. Выйди, пожалуйста!

– Нора? Ты чего? – Лек явно перепугался. – Если тебя заметят...

Ну хорошо хоть, что больше за нее, чем за себя.

– Выйди, я буду ждать дома.

Через минуту они как бы поменялись местами: она теперь сидела скрытая стальными стенками, а сонный Лек, натянувший штаны задом наперед, а рубашку наизнанку, переминался с ноги на ногу снаружи.

– Что случилось?

– Нужно сообщить королю, что между Городом и отравленным озером умирают от жажды пять человек – мать, сын и три дочки. Они сбежали от азаров, чтобы их не продали в рабство, и хотят верой и правдой служить нашему племени.

– Откуда знаешь? – Лек не верил. – Опять вещий сон?

– Именно. Очень яркий. У меня такое чувство, что я с ними разговаривала. Так и скажи королю.

– Глупости. Да и кто меня пустит к нему среди ночи. Не пойду я. Не хочу позориться. Ты же сама говорила, что видишь много разного, а сбывается лишь кое-что.

– Лек, пожалуйста, там сейчас люди умирают. Каждый миг на счету.

Лек помотал головой:

– Надо мной и так смеются: то не так сделал, это вообще не сделал, а о чем-то даже не подозревал, а виноват все равно я. Не пойду.

Осталось последнее средство. Нора набрала воздуха.

– Если пойдешь, я не выдам вашу тайну. Твою и Бораса. Говоришь, моим снам верить нельзя? Тогда слушай: мне снилось, что вы ходили к каменным пескам за оврагом и что-то спрятали там. Потом еще раз сходили. И еще.

В щелку Нора увидела, как на освещенном луной лице Лека опускается челюсть и округляются глаза.

– А теперь самое интересное, – добила она. – Мне приснилось, что в свертке из старого полиэтилена лежат: лук с отдельно упакованной тетивой...

– Ты не можешь этого знать! Следила?!

– Ну да, только тем каждую ночь и занималась. Лек, там люди страдают. Просто поверь мне.

Он помолчал. Затем на щель в стене поднялся взгляд – неожиданно твердый и серьезный.

– Еще раз повтори, что сказать королю.

Глава 4

Глаза, непривычные к свету, слезились, а поднятая ветром пыль заставляла щуриться даже больше, чем слепящее солнце. Все собрались перед домом. Именно все: праздник – он праздник для каждого, и женщины в этот день допускались к выходу наружу. Насколько бы ни была семья бедна, но у каждой девочки, девушки, женщины и даже старухи имелось выходное платье – именно для таких случаев. За платьем ухаживали, украшали его орнаментом и кружевами и год за годом перешивали по размеру. И счастливый день наступил. Пестрая толпа галдела в ожидании, с минуты на минуту полог установленного перед королевским жилищем шатра, где к празднику вырыли купель, отворится, и с окраины поселка покажутся нарекаемые. Шатер был старинный, с пленочными окошками, застежками-молниями и синтетическими тросами. На гудевших выцветшим брезентом стенках красовались несколько кроваво-красных крестов – еще от бабушки Нора слышала, что кресты символизировали смерть, в прежние времена их ставили на могилы. В шатре можно поселить большую семью, но после праздника конструкцию убирала, а кроме праздников ее использовали как выездную королевскую резиденцию, когда правитель изволил путешествовать по окрестностям. Впрочем, такого давно не случилось, за пределы поселка король-колдун старался не выходить.

На праздник Нору привел папа – одна она идти не хотела. После всего, что случилось...

Все больше людей верили в ее исключительность. На Нору бросали взгляды. Мужчины – удивленные, женщины – восторженно-завистливые, Борас и Лек, каждый в своем углу – задумчивые и сверлящие, выворачивающие наизнанку, так что в кишках начиналось гулкое шевеление. В сны парни явно не верили, и искали подвох.

Люди выстроились двумя рядами, образовался длинный коридор, по которому к купели пройдут новые члены племени. Толпа радостно загудела: у шатра началось пока скрытое от Норы движение. Два гвардейца, выделяемые в толпе по каскам с рогами и перьями, проследовали ко входу и отворили полог. Взорам открылась купель – наполненная водой яма, место нарекания. Внутрь торжественно проследовали король, несколько человек свиты, включая настража, и шесть гвардейцев с обнаженными клинками – прямой намек, что праздник праздником, а обычных правил поведения никто не отменял.

Те, кто собрался снаружи, один за другим оборачивали головы в противоположную сторону: вдали показались новенькие. Первым шел парень, с которым у отравленного озера разговаривала Нора, за ним его мать и сестры. Замотанные в грубые полотнища, они вступали в лоно племени как только что родившиеся – не обремененные ни историей, ни имуществом, ни родством с кем-то другим. От всего, что у них было, включая собственное прошлое, сегодня они добровольно отказались, а то, что требуется для жизни, им дадут. Один за всех, все за одного – главный девиз, без которого племя обращается в стадо и перестает существовать. Девиз работал. Сосед мог ненавидеть соседа, в семьях мог быть раздор, но стоило появиться общему врагу или несчастью – племя вставало плечом к плечу и вместе сражалось с бедами. От новичков ждали того же, а для этого отказ от прежних клятв и новая присяга обставлялись так, чтобы запомнилось. Для одних это живописный переломный момент в жизни, для других – зрелище, не такое частое, как хотелось бы, и просто повод побыть на людях. В итоге все были счастливы.

Парень, проходя мимо Норы, кивнул ей. Она опустила взгляд. Да, спасла, но это было во сне – так всем сказал король, значит, так и было.

Она подняла глаза, только когда парень вошел в проем шатра. Неважно, как его звали раньше, сейчас он был просто парень – прежние имена отныне не действовали. Конечно, Нора спросила бы при случае... но лучше об этом даже не думать. Прошлого нарекаемого человека как бы стиралось из общей памяти, нарушения карались.

Нарекаемых женщин гвардейцы остановили снаружи, полог за парнем закрылся. Началось священнодействие.

– Покайся, и дни твои будут счастливы, а ночи спокойны, – донеслось из шатра. – Что недостойное свершил ты в прошлой жизни? Какой груз несешь? Очисти совесть, смети с души мусор, стань изнутри таким же светлым, как снаружи.

Люди перестали держать линию и превратились в толпу, напиравшую на перекрывших вход гвардейцев. Многие заговаривали между собой, кто-то ругался на загородившего обзор соседа, ему что-то резонно отвечали, третьи шипели на обоих мешающих слушать... Гул нарастал, слова из шатра едва пробивались:

– Поведай о грехах, своих и известных тебе чужих...

Из-за сплошной стены голов Норе не было видно происходящее, а поднявшийся шум перекрывал речь короля. Это было неважно – каждый обряд нареkania повторялся с точностью до слова и движения, а тихую исповедь новеньких все равно не слышал никто, кроме склонившихся к грешнику правителя и настража. Про то, что происходило внутри шатра, Нора знала только по рассказам папы – с высоты его головы внутренности шатра частично просматривались, а об остальном он знал от гвардейцев-участников обряда: после исповеди нарекаемый спускался в купель, где сбрасывал полотнище и был дважды окунаем в воду – погружения олицетворяли покаяние и очищение. Нора понимала и не объяснявшееся вслух: одновременно с заявленной целью омовение в присутствии короля и вооруженных гвардейцев выявляло возможную ущербность. В этом случае преступника убивали и народу предъявляли доказательства преступления против жизни. За очищением следовало главное: собственно нареkanie.

Нараставший гул неожиданно стих, как по команде. Скорее, именно по команде, которую не слышала или, если подана жестом, не видела со своего места Нора. Снаружи установилась тишина, и каждый пытался уловить что-то из говорившегося внутри. На миг между головами и спинами образовался просвет, в нем мелькнул король-колдун, его руки совершали крестообразные пассы над погружившимся в яму парнем, доносилось неразборчивое бормотание. Это тоже способствовало прозвищу «колдун», а нареkanie обретало мистический смысл. Пусть это всего лишь игра, но она выполняла свою роль. Племя замороженно наблюдало за правителем. Для многих колдовская сущность обряда была так же реальна, как собственное тело.

Толпа полностью загородила шатер, и о творившемся внутри Нора могла догадываться только по вновь поднимавшемуся шуму: началась часть, которую король называл кровосмешением. Из сделанного на руке надреза кровь желающего занять место в племени добавляли в пакет с кровью убитых на ферме куриц и затем брызгали на новичка: символ того, что племя впускало в себя свежую кровь и плоть. Затем происходило третье, окончательное омовение, означавшее вход в новую жизнь. При этом король опять водил над омываемым руками и говорил старинные священные фразы. Всех, кто называл эти действия непонятным словом «святоотатство», не осталось в живых – основную часть еще в давние времена перебили бандиты, последние сгнули в пустыне, что тоже не добавило королю-колдуну доверия, зато укрепило суеверных в его колдовской силе. Теперь люди побаивались не только солдат, стоявших на страже власти, но и непонятных заклинаний.

Король этим пользовался – разговоров о новых выборах нельзя было даже представить. В свое время первым королем племени избрали лидера, сумевшего организовать выживших и наладить сносную жизнь на неудобной территории. Общими усилиями выстояли в борьбе с беспредельщиками, но один раз проиграли – это было при втором короле, сыне первого. От племени остались жалкие осколки, мужчинам не хватало женщин, и короля-неумеху сместили. На выборах победил Джав. Собственно, это он, как говорили, и устроил заварушку с выборами. С тех пор и властвовал. И никто не сомневался, что следующим владыкой станет его первенец Джак.

– Нарекаю... – громко раздалось в шатре.

Других слов некоторое время было не разобрать, донеслось только последнее восклицание короля:

– Ош!

– Ош! – хором подхватил народ. – Ош!!!

Парня нарекли именем Ош. Теперь это имя его семьи. Оно не походило на те, что были у предков – король-колдун говорил, что следует о многом забыть, чтобы двигаться дальше. Они построят новый мир, а от пережитков надо избавиться. Фамилий, как у предков, в племени тоже не было, родство определялось по отцовской линии. Первенцев называли кратко, в один слог, начало в котором повторялось – это и было тем, что раньше считалось фамилией. Следующим сынам давали имена на один слог больше. Например, трех сыновей короля Джава звали Джак, Джарван и Джамирас. Имущество семьи наследовали исключительно сыновья-первенцы, и всегда можно было определить, кто имеет право на наследство, а кому предстоит нелегкая жизнь.

У девочек количество слогов в имени роли не играло. Двух дочерей короля звали Джаяна и Джабора. Поскольку девочки наследницами не были, имена им давались произвольно, имело значение только начало имени. Нору называли Норой, и всем сразу ясно, что она – дочь Ноджа. В женских именах ценилась исключительно красота звучания.

Детям имя выбирал отец, а если отец на момент рождения погибал, то король. Имя давали не сразу, а когда становилось понятно, что ребенок правилин и жизнеспособен. За все отвечал отец, и если он обманывал племя, карали всю семью. Такое тоже случалось, ведь закон, по которому чужой – даже король – не может переступить порог дома, действовал нерушимо, как бы это кого-то ни раздражало. Дом – святое место, там жила душа семьи, и туда нельзя пускать посторонних. Некоторые сердобольные родители этим пользовались. Тем хуже было для них, когда обман вскрывался. За губительное для окружающих сохранение жизни больному или при другой угрозе племени карали все семейство.

Из шатра вышел новонареченный Ош – в свежей одежде, очень простой и крепкой, чтобы носилась долго. Следующую он купит уже за собственный счет.

Ош поклонился:

– Добрые люди, клянусь быть вам другом и братом отныне и до смерти.

– Ош!!! – грянула в ответ толпа.

Дождавшись тишины, Ош продолжил:

– Еще раз хочу поблагодарить каждого за доверие, а также лично его величество и великую спасительницу, явившуюся сквозь ночь, когда моя семья умирала. Только благодаря вам всем я, мама и сестры живы. Спасибо.

Он вновь склонился перед толпой.

В проеме шатра появился король:

– Не девочка спасла вас, а высшие силы, которые помогают племени. Сама судьба привела вашу семью именно сюда, и мы надеемся, что вы сумеете быть благодарными.

Под бурные крики церемония продолжилась – Ош встал между другими как равноправный член племени, а в шатер по очереди заходили его мать и сестры. Из купели к народу вышли Ошая, Ошима, Ошура и Ошанья. Семье дали не только имя, но и жилье – проржавевший и почти разваливавшийся контейнер на окраине. На остальное и на что-то лучшее они должны заработать сами, а если какие-то предметы обихода, инструменты или еда необходимы срочно, король обещал одолжить на это столько, сколько понадобится.

Праздник завершился. Переговариваясь, народ расходился по домам, трое назначенных королем работников собирали шатер, еще несколько ждали, чтобы засыпать купель до следующего нарекания. Не прошло и получаса, как поселок опустел, и жизнь вернулась в прежнее русло.

Несомненно, Лек все рассказал приятелю, потому что в первую же ночь, когда папа Нодж отправился на службу, у контейнера Норы раздалось:

– Откуда знаешь нашу тайну?

Говорил Борас – жестко и требовательно. Объяснение со снами его не устроило.

Другого у Норы не было.

– Не понимаю, для чего нужен такой комплект, – сказала она в ответ. – Оружие, вещи, деньги...

– Еще кому-нибудь рассказала? – перебил Борас.

– А раньше ты казался мне умным. Если бы рассказала, припрятанное изъяли бы, а вас прижучили. Здесь одно из трех: возможно, вы помогаете в чем-то противозаконном кому-то из нашего племени, и это преступление. Либо вы помогаете чужакам, а это уже измена, что намного хуже. И третье: вы сами хотите сбежать.

Нора оборвала себя. Именно третье! Трупы, помощь преступникам, связь с чужаками и прочие фантазии – ерунда. Борас и Лек упорно и методично готовятся к побегу, именно это связывает их, таких непохожих.

Нора перевела дыхание.

– Заткнуть мне рот можно одним способом: убить. Возможно, вы придумаете, как это сделать, чтобы на вас не подумали, но кто поручится, что к тому времени о вашей тайне не узнают другие?

Повисла тишина. Нора глядела в щель. Борас кривил губы. Лек привычно прятал взор за упавшей челкой.

– Не знаете что делать?

Нора собралась с силами. То, что сейчас будет сказано, обдуманно давно, но как это воспримут? Она проговорила как можно четче:

– Есть простой выход. Нужно, чтобы все посвященные в тайну были связаны ей.

– Не понял. – Лоб у Бораса напрягся, между бровей пролегли вертикальные складки. – Хочешь рассказать нам какую-то свою тайну, чтобы мы все зависели друг от друга? Хочешь раскрыть секрет рюкзака?

– При чем здесь рюкзак? Это память о маме, и кто коснется его словом или грязными лапами... и даже чистыми...

Заканчивать мысль не пришлось, выражение лица сказало остальное. Видимо, сказало очень доходчиво.

– Тогда совсем ничего не понимаю, – признался Борас. – Я, может быть, немного туплю спросонья, но быстро схватываю. Поясни.

– Мне запрещено выходить из дома, но я хочу побывать в тех местах, которые видела во сне. Когда пойдете в следующий раз, возьмите меня с собой. Потом я буду хранить вашу тайну, а вы – мою, о моей вылазке. Если, как вы боитесь, я выдам вас, то вы расскажете, что я лично ходила к тем вещам, а не увидела их во сне.

– Может быть, ты как раз и ходила? – логично предположил Борас.

Лек не вмешивался в разговор. Бросаемые им на приятеля взгляды показывали, что он не возражает. Нора тоже считала, что мир, пусть сначала без доверия и с опаской, лучше открытой вражды.

– Если я, по-твоему, везде хожу, почему я вас видела, а вы меня – нет?

– Тебя видели другие, – отрезал Борас.

– Но мы не видели, – признал Лек.

– А вы ходили несколько раз. Могу рассказать о каждом походе. Какой дорогой шли и что добавляли к уже спрятанному.

– Ты все же ясновидящая? – не удержался Лек. – По-настоящему?

– Частично. Я уже говорила. Сны, которые вещи, отличаются от прочих.

– Бор, я ходил к королю с ее сном, и все подтвердилось, каждое слово.

– Чего же она только нас всегда видит? Влюбилась, что ли?

Нору бросило в краску. Надо что-то сказать, а то все это выглядит глупо. Действительно, почему она столько знает именно о них?

– Я сны вижу о многих, – сообщила она как можно уверенней.

Борасу что-то пришло в голову, он ухмыльнулся:

– Расскажи про других, тогда поверим.

Лек затих с краю, и ему, кажется, очень хотелось, чтобы Нора доказала свою правоту.

– Я чужих тайн не выдаю, – твердо сказала Нора.

Лек вздохнул. То ли огорчился, то ли обрадовался.

– Тогда не верим, – пожал плечами Борас.

– И не надо, – так же равнодушно ответила Нора. – Я предложила решение, оно почему-то вас не устраивает, значит, придется искать другое. Оно, другое, у вас есть?

Лек зашептал приятелю:

– Какая разница, верим мы или нет. У нас будет такое же оружие против нее, как у нее против нас. Это лучший выход.

Нора ждала. Положительный ответ Бораса давал надежду на новую страницу в жизни. Условий, которые она предложила мальчишкам, папа, конечно, не одобрит, но ему и знать не следует. Это ее жизнь, и ей решать, что для нее лучше. Кого-то жизнь в четырех стенах вполне устраивает, кто-то видит счастье в богатом муже или в будущих детях. Для Норы счастьем была свобода. Огромный мир звал ее, тысячи ныне закрытых дверей манили пьянящей неизвестностью.

Борас кивнул:

– Хорошо. Выходи.

Нора опешила.

– Прямо сейчас?

– Естественно. С этой минуты мы должны быть уверены друг в друге.

Так сумбурно и нервно она еще никогда не собиралась. Уже готовая полезла было в люк...

Нельзя. Это ее личный ход, ее тайна. Теперь нужно делать как все.

– Пойдем к схрону, – объявил Борас, когда она вышла через скрипнувшую при открывании и лязгнувшую при закрытии дверь. – Поведешь ты. Посмотрим, чего стоят твои сны.

Сначала они постояли в тени контейнера: не выглянет ли кто-то на шум? Пахло людьми и гарью, неподалеку стрекотали ночные насекомые. Яркая луна делала тени резкими, а то, на что падал свет – мертвецки-синим и отчетливым.

Одежда Бораса и Лека говорила о доходах семей. Борас носил крепкое и темное, надетое специально для ночи. Сейчас на нем были военного кроя штаны со множеством карманов и футболка. У Лека выбора не было, он ходил в единственной одежде – рубашке с заплатками, что от бесчисленных стирок превратилась в затерто-бесцветную тряпку, и в таких же штанах. И все же не он оказался в ночи самым заметным. Когда натягивала брюки, в последний миг Нора сообразила: такая одежда, подогнанная под нее и предназначенная именно для путешествий, вызовет подозрения. Вместо брюк она натянула юбку, а рубашку, подумав, все же оставила. Ничего более подходящего не нашлось. Прежние вещи не налазили, а перешитая под нее майка, как у Бораса, со странным названием «футболка», которое всегда что-то напоминало папе, делала фигуру слишком вызывающей. И мокасины сегодня уступили место сандалиям с восходившей на голень обмоткой из тесьмы – папа сделал их вместо ставших маленькими прежних. Мокасины – обувь для походов, Нора выглядела бы в них странно перед собравшимися именно в поход босыми приятелями, у нее такой быть не могло. По этой же причине, чтобы выглядеть простушкой, которая впервые покидает дом, пришлось оставить ремень с ножом и прикрепленной бутылкой воды, а также часть собранного для сложных ситуаций.

Сегодня она не одна, и все будет по-другому. В карманах остались только бинты, иголка с ниткой и пакетик с мазью для свежих ран – на крайний случай. В этом, как говорил папа, лучше перебдеть, чем недобдеть. Маленький ножик на голень она все же привязала – у спутников тоже были ножи, у Бораса красивый на кожаном ремне, у Лека на поясной веревке обычный кухонный в деревянных ножнах.

В юбке до колен и рубаше навыпуск, с рюкзаком за плечами и развевавшимися волосами (надеть бандану Нора тоже не рискнула) она выглядела здорово. Одновременно женственно и заливчатски-воинственно. Голые ноги белели в ночи, делая похожей на маленькую девочку, зато растущая грудь от наполненных карманов казалась еще больше, почти взрослой, а ляжки и поперечная перетяжка рюкзака выдавливали ее вперед, отчего Нора выглядела созревшей женщиной, а не подростком.

– Ого. – Борас чуть не присвистнул. – А ты не такая маленькая, как я думал.

Его взгляд пробежался по ней с головы до ног и обратно с выражением изучающим и задумчивым. Норе было приятно и стыдно от пристального разглядывания. Еще никто не смотрел на нее *так*. Особенно смущала близость их тел, прижавшихся к стене контейнера, чтобы оставаться в тени. От случайного соприкосновения по руке побежали мурашки.

– Из поселка вы выбирались под тенью контейнеров, – сказала она, когда стало ясно, что шум остался незамеченным, – по очереди перебежали от одного к другому.

Она побежала первой. За ней Борас. Замыкал вечно последний Лек.

За поселком некоторое время шли без опаски – дозорные обходили дальние рубежи, а за эти места отвечали гвардейцы. Все знали, что гвардия сосредоточилась только на охране жилища владыки.

– Горбушка, так что же у тебя в рюкзаке? – не выдержал Борас.

– Я предупреждала: это не тема для обсуждения. Прими как данность и забудь. Лучше ответьте: вы хотите сбежать?

Лек открыл было рот, но передумал. Ответил Борас:

– Можешь предложить нам что-то другое? – В голосе послышалась боль. – Леку вообще терять нечего, а мне ничего серьезного не светит – все лучшее достается брату. Вечно вторым быть не хочу.

Отвернувшись, он молча зашагал дальше.

«Вторым быть не хочу». От этого веяло силой и гордостью. У Лека просто безвыходная ситуация, а Борас решил сам – рискнуть, чтобы из вторых перейти в первые. Это вызвало уважение и восхищение.

Нора тихо сказала:

– Бежать «от» – этого мало, нужно знать зачем. Куда вы направитесь?

– Слышала про небесных людей?

Бабушка что-то рассказывала, это слилось с русалками, чертями и всякими троллями-эльфами. Обычные сказки. Нора пожала плечами и постаралась скрыть сомнение в голосе, чтобы не обидеть:

– Вы в это верите?

Вот теперь ответил Лек:

– Проще показать. Мы почти пришли. Я достану, а вы смотрите, чтобы никто не появился. – Он обернулся к Норе. – Однажды рядом с этим местом дозорные застали шатунов. Мы едва ноги унесли.

– Пусть Горбушка найдет схрон, раз уж говорит, что видела его, – распорядился Борас.

Нора раскидала камни и раскрыла сверток. Борас и Лек подошли, Лек вытащил книгу и открыл на нужной ему странице.

– Это Земля, наша планета. Наше племя живет вот здесь. – Он ткнул пальцем в один из покрытых цветными пятнами круглых рисунков, затем перелистнул на такие же пятна, только

на прямоугольнике во всю страницу. – Вот наши места в большем масштабе. Мы здесь, вот тут азары...

– Где? – не поняла Нора.

Она даже повертела головой. Почему Борас стоит спокойно, если рядом чужаки? В книгах имелось свое колдовство, об этом знали все. И если книга говорит, что азары рядом...

Борас рассмеялся, а Лек покраснел.

– Прости, не подумал, что ты не знаешь про карты. Значки на рисунке – наши места, как если бы на них посмотреть сверху, – он обвел рукой окрестности.

И Нора вдруг увидела. Горы. Овраги. Заштрихованные пустые места – это степь. Все, как в реальности, все на своих местах. Только поселка нет, его заслоняла окраина большого многоугольника с линией крупных значков. Это буквы. Каждая обозначает звук. Бабушка учила. Нора знала многие буквы, но не успела выучить все – в племени для девочек чтение считали вредным умением. Женщины должны думать о муже и доме, а не о посторонних материях. Папа решил, что законы племени важнее бабушкиных капризов.

– Это Город, – пояснил Лек, проведя пальцем по многоугольнику. С книгой он обращался осторожно, почти любовно. – Раньше он простирался далеко во все стороны, а то, что мы называем Городом сейчас – жалкие остатки. Граница племени проходит вот по этим пустошам, дальше сейчас живут азары, а за ними, как Борас узнал у своего отца, после еще нескольких племен, находится гора, а на ней – станция, откуда попадают на Небеса. Это сейчас так говорят – Небеса, а раньше называли космосом. До катастрофы успели сделать несколько площадок для прямой связи с Небесами, а собирались построить сотни.

Слово катастрофа он проговорил неприязненно, будто выплюнул. Явно хотел назвать по-другому. Но сейчас говорили так, хотя бабушка и родители за всю жизнь не смогли научиться правильно сокращать длинное «катастрофа».

Значит, мальчишки собрались на Небеса – в вымышленную, как до сих пор думала Нора, страну, где нет проблем и все счастливы.

Как и Борасу, Леку наследство тоже не светило, но по другой причине – у отца, кроме долгов, не было ничего. Прохудившийся контейнер, что грозил развалиться в ближайшие годы, составлял все их имущество. Леон мечтал о дочке, ведь у кого рождаются дочери, автоматически становится богачом – даже если они дурнушки или полные идиотки. Разница лишь в размере выкупа. Но из близнецов выжил лишь мальчик. Мать Лека не оправилась после родов, она умерла давно, но успела научить сына читать. Лек увлекся, и, как говорили, чуть ли не все книги поселка прошли через его руки. Кроме, наверное, королевских.

– На Небесах тоже живут люди, – сказал Лек. – Они знают и умеют все то, что знали и умели мы до катастрофы.

Борас вдруг протянул руки Норе и Леку:

– Дайте руки и возьмитесь между собой.

Нора с Леком поднялись, их ладони послушно схватили друг друга. Борас дождался, когда маленький кружок замкнется, и крепко сжал Норины пальцы.

– Мы – три человека с тайнами, – заговорил он, глядя Норе в глаза. – Мы знаем секреты друг друга. Мы можем навредить друг другу, если что-то выйдет за пределы этого круга. – Он потряс соединяющими их руками. – Любое действие, любое слово, любой намек, который откроет тайну посторонним, навредит каждому из нас. А тот, кто выдаст нас, станет смертельным врагом остальным. У меня предложение, которое должно помочь жить дальше не боясь, что спину не прикрывает преданный друг. Давайте поклянемся, что никто и никогда не узнает наших тайн.

Он сжимал ее руку. Он смотрел ей в глаза. Теперь у них была общая тайна, и он просил сохранить ее.

– Клянись! – одновременно с Леком выдохнула Нора.

Глава 5

Они стали ходить в ночные вылазки втроем. Когда Борасу удавалось что-то незаметно умыкнуть у родителя, ближайшей ночью троица собиралась за поселком, где их уже не могли обнаружить – на этом настояла Нора. Если в таком составе попасться на глаза посторонним, последствия сказались бы именно на ней.

Мальчишек, превратившихся в настоящих парней, Нора теперь так и называла – парни. Особенно Бораса. Для женитьбы он еще не дорос – девочек в племени часто отдавали замуж малолетками, а с парнями, наоборот, старались не торопиться, хотя и договаривались о браках заранее.

Бораса еще не пристроили. А уже пора бы, вымахал он на загляденье, хотя сам о женитьбе не думал. Во-первых, за него все решит отец, а во-вторых, в-главных, он собирался уйти из племени – зачем ему здесь жена?

Нора все чаще задавалась вопросом: почему бы ей не стать его выбором? Странная, и что же? Все люди странные, одни меньше, другие больше. Уже половина племени приходило к ней с разными вопросами как к провидице. Многие приносили дары. Несмотря на ее отнекивание, дары оставляли под дверью. Однажды Борас заговорил об этих подношениях:

– Зачем отказываешься? Люди несут от всей души. Они хотят помощи и участия. Не можешь дать первое – дай второе, и они будут счастливы. Будут думать, что пусть сейчас ты им не помогла, но не забудешь о них, и однажды новый вещий сон коснется именно их.

В дороге к схрону они болтали обо всем на свете, там новая вещь занимала место в свертке, и появлялось свободное время – никому не хотелось сразу возвращаться назад.

В возникавшие паузы, которые иногда затягивались и становились неловкими, Лек стал учить Нору читать. С мнением, что девочкам эту премудрость знать не полагается, и от нее, мол, в будущем одни беды, он категорически не соглашался. Книжки из схрона и те, что он приносил специально, были в основном непонятные и заумные, а Норе больше нравились сказки. Или просто разглядывать картинки. Она представляла, как живет в этих картинках. Это давало большее удовольствие, чем мучительная стыковка букв в слоги, а тех в ничего не говорившие ей слова.

Глядя на них, Борас высокомерно хмыкал и садился за более важное, как он говорил, дело: точить ножи и делать стрелы. Возможно, он не одобрял затеи Лека, женское чтение – какое-никакое, а нарушение правил племени. Но они все трое были нарушителями в еще большем. Или Борас сам не умел читать. Нора никогда не видела его за книгой.

А Борас учил ее более насущным навыкам. Он учил драться. Показывал, как пользоваться разными видами оружия, как защищаться голыми руками, рассказывал о местах, куда надо бить, чтобы вывести из строя одним ударом. Оказывается, у мужчин в этом плане есть слабое место, и Борас провел несколько тренировок по отработке приема, в котором слабая девушка одним пинком может свалить здорового мужика.

– Бессмысленное и беспощадное махание руками-ногами – признак плохого бойца, – говорил он. – Цель боя – снизить до нуля боеспособность противника, сохранив свою, и сделать это с наименьшей затратой сил. Атака должна состоять из одного, в крайнем случае двух ударов. Смысл атаки – останавливающее воздействие на противника, после атаки он должен быть неспособен действовать такое время, чтобы добить его или успеть сбежать. В конце атаки нужно быть готовым к повторному применению силы или добивающему удару.

Эти занятия Норе нравились намного больше. Книжки отложили в сторону, компания всерьез взялась за физподготовку – парням этого и в отряде хватало, но предстоит пробираться через многие племена, если по какой-то причине не отступятся от плана.

О времени ухода из племени они не говорили ни разу. Нору это нервировало. Однажды втайне от Бораса она прижала Лека этим вопросом, и он признался, что ничего не решено, ждут подходящего момента. Для столь серьезного шага нужно основательно подготовиться.

Они готовились. Добравшись до тайника, доставали лук, натягивали тетиву и устраивали стрельбы. С разгромным счетом всегда побеждал Борас. Затем устраивали спарринги. Иногда нападали двое на одного. Понятно, кто на кого. Борас легко справлялся с Норой и Леком, как бы они ни старались. Удары только обозначались, но в пылу тренировки иногда достигали цели – то один, то другой периодически валялись на землю, держась за ушибленное место. Но общий настрой повышался, боевой дух рос вместе с умениями. Удары руками-ногами и ножом Нора отработывала со всеми, только бороться отказывалась.

Один раз ей удалось поохотиться: рядом с местом их тренировки показалось стадо сайгаков. С уходом огнестрельного оружия в прошлое дикие животные перестали бояться человека, быстро размножились и появлялись в местах, где прежде их не могли представить. Два десятка поджарых тушек с топотом унеслись прочь, едва в них полетела стрела.

Лук – оружие интуитивное, стреляя в темноте на звук можно попасть точнее, чем долго целясь при ярком свете. Все решает навык, а он нарабатывается долгими тренировками. У Норы навык стремился к нулю, и стрела никого не задела. Ни подранка, ни даже следов крови после долгих блужданий по окрестностям они не обнаружили.

– Неважно, – сказал Борас. – Девчонке такое умение ни к чему, да и нам по дороге к Небесам вряд ли придется охотиться – еду мы будем покупать.

Норе было жаль живых созданий, в которых она выстрелила, радостно, что не попала, и одновременно обидно. А напоминание, что Борас и Лек скоро исчезнут из жизни, обрушило настроение.

А кое-что другое периодически поднимало. Когда Лек не видел, Борас иногда касался ее. Как бы не нарочно, но...

Внутри все переворачивалось. Хотелось петь и прыгать от счастья. Жаль, что в семье никто не пел, потому что душа просилась выплеснуться, а последняя песня ушла вместе с бабушкой.

Все чаще возникала мысль: почему бы не сбежать вместе с парнями? Папа, конечно, ни за что не отпустит, но...

Именно, что «но».

Нора с Борасом и Леком возвращались с ночной прогулки и пробирались к крайнему контейнеру, чтобы под его защитой проскользнуть к следующему. Лек вдруг одернул Нору, его палец указал вперед.

За одним из контейнеров впереди кто-то двигался. Ночь не позволяла разглядеть кто, но человек, судя по всему, был один. Нора схватила за плечо и остановила Бораса. Он увидел причину, приложил палец к губам и бесшумно двинулся за неизвестным.

Если это чужак, надо бить тревогу: где один, там и другие. А если свой? Тогда Нора попадет в ситуацию, о которой даже думать не хочется. Но если все же чужак? Не поднимать шума по поводу проникновения в поселок нельзя, иначе завтра просто некому будет разбираться с ее похождениями.

Поток мыслей оборвал Борас, призвавший их взмахом руки. Нора и Лек подбежали к нему. Борас показал на один из контейнеров, и все стало ясно.

Если в обществе есть законы, то в нем всегда найдутся люди, которые их нарушают. Нора уже поняла, как устроен мир. Те, кто сверху, принимают законы, чтобы держать в узде тех, кто снизу. Если верхние умны, то законы гуманны, и нижние не возражают против ограничений – это помогает им выживать. Если верхние жадны и глупы (эти качества обычно существуют в паре), их скидывает кто-то из нижних, они меняются местами, для остальных же не меняется ничего. В любом случае кроме верхних, нижних и бесконечной массы центральных есть боко-

вые – те, кто с удовольствием выполнял бы законы, но не вписывался в них. Взять, например, женщину, что проживала в указанном контейнере. Вернее, там жил солдат, ее муж, глава семьи. Но он постоянно отсутствовал, и жену это не устраивало. Она нашла выход, и теперь мужа иногда замещали другие. Как женщина и мужчины узнавали о желаниях друг друга, как стыковали свои незаконные намерения и как договаривались, Нора не знала, но видела результат.

Ходили не только к солдатке. Не раз и не два, отправляясь в ночные вылазки или возвращаясь из них, Нора замечала тени, скользившие не к тем домам, в которых жили эти ночные ходоки. Она давно обратила внимание на такие хождения, с тех пор, как только начала исследовать окружающую жизнь. Обычно такое происходило в других концах поселка и никак на ее собственной жизни не отражалось. Нора просто приняла подобное как факт: оно есть, оно вот такое, и ничего с ним не поделать. Кого-то иногда замечали, но увидевшие, если не были близкими друзьями обиженного, держали язык за зубами. Зачем портить жизнь человеку, который не знает о беде? А если вдруг знает, но смирился? Ему станет только хуже от того, что теперь о позоре знают другие.

Такой мудрой Нора стала со временем, а сначала...

Ну как не исследовать новое для себя явление? Однажды она заглянула в вентиляционные дырки, когда в гостях у солдатки кто-то был. Увиденное повергло в шок. То, чем занимались люди, не укладывалось в голове. В свое время мама просветила о детях – откуда они берутся, и что этому сопутствует. Жизнь женщины – служение мужу, и мама рассказывала, как служить правильно. Те знания ничего не говорили душе маленькой Норы, но запомнились. Затем папа, ничего не объясняя прямо, раз за разом предостерегал от опасностей, которые могут принести ей мужчины. И Нора увидела эти опасности собственными глазами.

Она не понимала: если женщине так больно, что она стонет, почему же с такой радостью идет на эту боль? И почему потом целует и обнимает того, кто ее мучил?

Сегодня она поняла. Глядя на Бораса, впритирку стоявшего рядом, Нора вдруг подумала: собственно, она не против, чтобы он сделал ей больно. Что-то в организме откликлось на его властные взгляды, на жесткость и некоторое высокомерие. Если бы Нора была его женой, она бы не водила в дом других – только пусть он причиняет боль исключительно ей.

Борас перехватил ее взгляд. Хорошо, что ночь, иначе он увидел бы, как запылали щеки. – Пойдем. – Нора потянула его за руку назад, подальше от чужих тайн.

Он схватил и крепко сжал ее локоть. Сзади на это уставился замешкавшийся Лек.

Нора вырвала руку и ушла первой.

Следующая вылазка вновь принесла сюрприз. Обходя овраг, шедший первым Борас застыл, вверх взлетела его открытая ладонь – знак остановиться и замереть. Теперь Нора тоже расслышала. Сдавленное мычание, словно кому-то зажимают рот. Из оврага. И не одно.

Со всеми предосторожностями они доползли до края и заглянули вниз.

Мешала тьма. Нужно спуститься и подойти ближе.

– Что будем делать? – прошептал Лек. – Вниз идти опасно. Лучше вызвать дозорных.

– И что ты им скажешь? – ехидно пробормотал Борас.

Он отложил лук и бросил Норе и Леку, отползая к ближайшему спуску:

– Оставайтесь здесь!

Нора попыталась двинуться следом, но Лек неожиданно твердо схватил ее за руку.

– Нет. Он сказал оставаться.

– Его нельзя отпускать!

– Лучше мы прикроем отсюда, чем все вместе попадем в ловушку.

Они остались ждать на краю обрыва и любоваться бездонной чернотой неба. Где-то там живут небесные люди. Книги говорят, что там нет воздуха. Как же люди дышат? И там вещи не падают. Но не везде. Книги очень многое рассказывали про миры, о которых Нора не имела

понятия, но каждое второе слово ничего для нее не значило, из-за этого не было смысла читать дальше.

– Нашел. – Борас приполз обратно. – Двое связанных мальчишек с кляпами во рту. Видимо, тот, кто их связал, где-то неподалеку.

– Попались, голубчики, – раздалось над головами. – Только не дергаться. Медленно обернитесь.

В нескольких метрах позади них стоял бородатый мужчина в обносках – типичный шатун. Направленная стрела перескакивала с Бораса на Лека, на Нору и обратно на Бораса – в нем неизвестный видел главную угрозу.

– Так и думал, что не дозор, а очередная мелочь пузатая. Впрочем, не такая уж мелочь, пусть и такая же безмозглая. О, да тут девочка! Отлично. Я не причиню тебе вреда, девочка, не бойся меня. Мы подружимся, и ты узнаешь, какой я хороший. Сейчас медленно поднимись... вот так, умница. А вам шевелиться не разрешали! Лечь мордами в землю и не рыпаться! Как тебя зовут, девочка? Нора? Красивое имя. Теперь, Нора, сними с соседа ремень и свяжи ему руки за спиной. Крепче. – Незнакомец пнул Бораса: – Пошевели кистями. Девочка, плохо стараешься, за такое могу наказать. Затяни туже. Теперь то же сделай с хиляком. Отлично. Теперь сними нож с ноги и отбрось в сторону. – Он проводил взглядом звякнувшее о камни оружие и продолжил. – Теперь выброси их ножи. Медленно. И лук со стрелами. Что у тебя в рюкзаке? Подозрительно легкий для такого объема.

– Он пустой, – сказала Нора.

– Не стоит меня обманывать, я не слепой.

Его взгляд облизал ее ноги и залип на коленках. Да, он не слепой. Нору как водой окатили. Ноги мелко затряслись. Из живота вверх пополз мерзкий холод. Из последних сил она пролепетала:

– Там... пустые емкости для воды.

– А полные есть? Хоть сколько-то? А еда?

Чужака мучили жажда и голод – во всех отношениях.

– У нас ничего нет.

Шатун вздохнул:

– И что же с вами делать? Такие здоровые лбы мне не нужны, еды хватает.

«Еды хватает»? Нора вздрогнула: вспомнились страшные рассказы про соседей-людоедов и ужасное слово «консервы» – о людях, которых брали с собой на случай, когда другая еда закончится.

«Не нужны», – сказал шатун. Вывод из этого проистекал единственный.

Нора стояла рядом, ее руки были свободны, но она ничего не могла сделать. Любое движение – и стрела вылетит в Бораса, которого чужак считал наиболее опасным. Вторым погибнет Лек, так же лежавший на животе с вывернутыми назад руками. А с Норой чужак справится одной левой – о том, чтобы применить некое «останавливающее воздействие», как учил Борас – к примеру, ударить в уязвимую точку или как-то сбить с ног – и речи не шло. Не то расстояние. И вообще не та ситуация.

– Простите, пацаны, ничего личного. – Тетива в руках чужака натянулась сильнее.

Нора вспомнила, что она женщина. Чужак – мужчина.

И он не слепой.

– Ты чего? – Среагировав на что-то непонятное, шатун замер и обернулся к ней.

Голова была как в дурмане. Пальцы, вдруг переставшие гнуться, расстегивали пуговицы рубашки, а ноги сдвинули и медленно повели Нору к мужчине.

– Стой, девочка. – Лук заплясал в руках чужака, взгляд заметался: куда смотреть – на парней? На распахивавшую рубашку голоногую девчонку?

– Ты настоящий мужчина... – На трясущихся ногах Нора приблизилась почти вплотную, руки растянули в стороны две тряпичных половины, и в этот миг колено ударило, как тренировал Борас.

Оружие выпало из рук чужака, он переломился пополам.

– Ссу-у-уук...

Нору трясло. Ужаснувшийся сотворенным организм не реагировал на посылаемые мозгом сигналы: «Не стой как дура! Добей! Через миг будет поздно!» Тело отказалось подчиняться. Ни одна мышца не повиновалась.

Чужак начал распрямляться, в глазах горели боль и бешенство.

Жуткий удар опрокинул его на землю. Вскочивший Борас ногами лупил врага – в живот, в грудь, в лицо и затылок.

Ударе на десятом шатун перестал дергаться. Нора очнулась. Когда Борас прекратил избивание бездыханного врага и посмотрел на нее, она уже застегнулась. На земле сидел Лек, перевернувшийся к ним лицом. Он переводил бессмысленный взор то на забитого до смерти окровавленного шатуна, то на Нору, то на бурно дышавшего Бораса, повернувшегося спиной и протянувшего ему связанные руки.

– Развяжи. Молодец, Горбушка. А я уже с жизнью попрощался. – Освобожденный Борас шагнул к ней и, крепко взяв ладонями за щеки, поцеловал в губы.

Мир исчез. Тело испарилось. Звезды взорвались, земля перевернулась. Нора почувствовала, что падает, и была рада подхватившим ее за талию и притянувшим рукам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.